

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	3
О коммунизме и марксизме — 43	4
Метафизическая война	24
Судьба гуманизма в XXI столетии	25

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Экономическая война	53
О некоторых тенденциях в экономике России: оптимизм преждевременен и опасен	54
Размышления читателей о статьях газеты	109
Догматический марксизм как превращённая форма	110
Вопрос стоит ребром	123

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 43

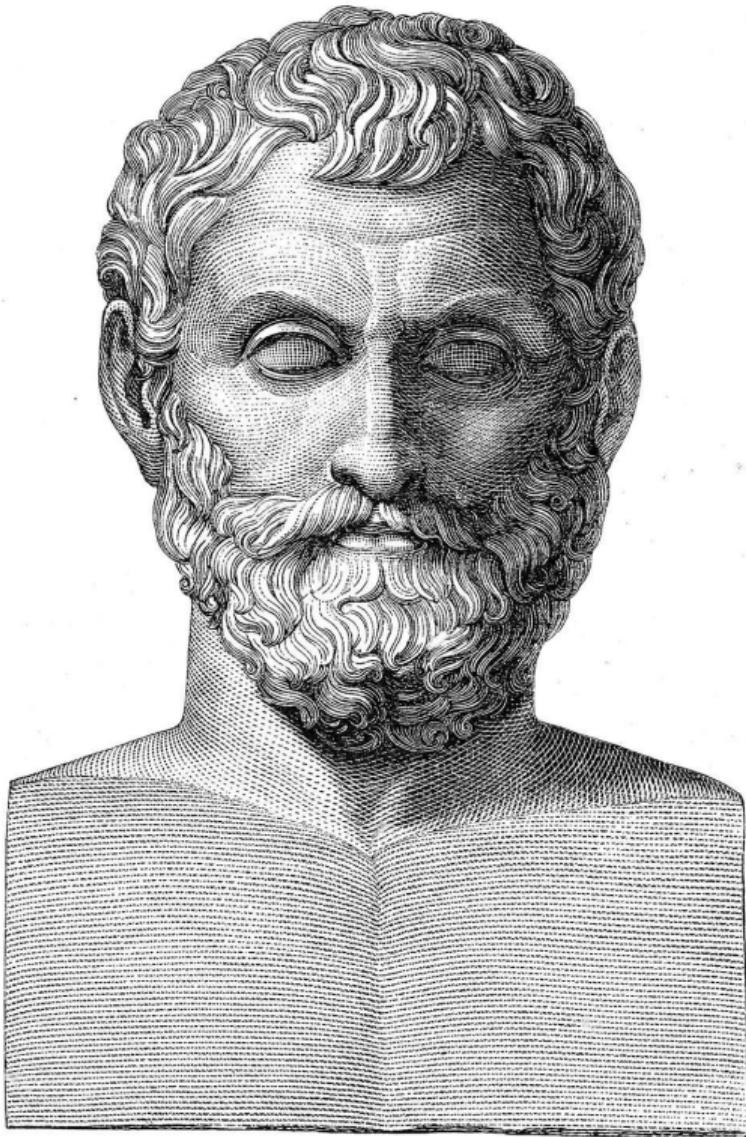
Всё большая потеря связи с физическим трудом далеко не только позитивным образом сказывается на развитии и углублении господствующих идей. Развиваясь и углубляясь, эти идеи приобретают всё более выморочный характер

Анаксимандр Милетский

Анаксимен Мiletский

Фалес Милетский

Перед тем, как двигаться дальше, сформулируем предельно кратко основные исходные идеи Томсона, твёрдо стоящего, как мы уже убедились, на собственно марксистских позициях.

Идея № 1 — классовое общество по-разному оперирует идеями в зависимости от того, находится ли оно в стабильном или переходном (то есть революционном) состоянии.

Идея № 2 — классовое общество, находящееся в стабильном состоянии, превращает идеи (у классиков марксизма — «мысли») господствующего класса в господствующие идеи («мысли»).

Идея № 3 — идеи эксплуатируемого класса в стабильном классовом обществе постоянно подвергаются не только преследованиям, но и извращениям. Эксплуатируемые слои, да и всё общество в целом в силу этого могут, находясь в стабильном состоянии, знакомиться только с изуродованными, искажёнными (подчас до неузнаваемости) идеями эксплуатируемого класса.

Идея № 4 — идеи господствующего класса в стабильном классовом обществе приобретают все черты бытия господствующего класса. То есть, с одной стороны, эти идеи очень сильно разрабатываются, достигают существенной степени глубины и усложнённости за счёт того, что у господствующего класса в целом и у его идеологов в частности достаточно времени для развития этих идей.

Господствующий класс предаётся праздности, он чурается физического труда, но внутри этой праздности у части праздного класса место физического труда, которого чураются представители господствующего класса, занимает своеобразный умственный или духовный труд, которого чураются далеко не все представители господствующего класса. Некий актив этого класса, напротив, всецело предаётся особой праздности под названием «отказ от физического труда во имя погружения в труд умственный/духовный».

Итак, поскольку главной чертой бытия господ-

ствующего класса в стабильном классовом обществе является отказ от физического труда не во имя праздности вообще, а во имя труда духовного, господствующий класс в стабильном классовом обществе существенно углубляет и развивает свои идеи/мысли. При этом он их не искажает. Он искажает и углубляет идеи/мысли эксплуатируемого класса.

Но в силу всё той же главной черты бытия господствующего класса в стабильном классовом обществе этот класс по мере наращивания господства всё больше теряет связь с физическим трудом. Но всё большая потеря этой связи далеко не только позитивным образом сказывается на развитии и углублении господствующих идей. Развиваясь и углубляясь, эти идеи приобретают в силу отрыва от физического созидающего практического труда всё более вымороченный характер. Иногда эту выморочность называют абстрактностью и пытаются, давая ей такое название, представить её как нечто позитивное. Но

на самом деле выморочность и есть выморочность, как её ни назови. Поэтому углубляющаяся и развивающаяся идея господствующего класса наращивает не только некое позитивное А, то есть глубину и степень развитости идеи, но и некое негативное В, то есть степень выморочности идеи.

Если принять за С творческую силу идеи, то это С тем самым может быть представлено в виде дроби — А/В.

Сообщаю читателю, что у Томсона нет никаких А, В, С. И что он никакими дробями не оперирует. Но прочитав раздел «Орфизм» во втором томе исследования Томсона, переведённого на русский язык, читатель может убедиться, что я никоим образом не искажаю мысль Томсона. Я только пытаюсь перед тем, как начать следить за развитием мысли Томсона, сформулировать его исходные мысли наиболее сжатым образом.

Понятно, что сколько верёвочка ни вейся,

всё равно конец будет. Всё более отстраняясь от физического труда и практики, господствующий класс к определённому моменту начинает стремительно наращивать В, то есть вымороочность своих идей. При этом А, то есть их глубина и сложность, или вообще перестают наращиваться, или же начинают наращиваться специфическим образом. Попросту говоря, это их наращивание попадает в зависимость от вымороочности и в каком-то смысле становится наращиванием наизнанку или превращённым наращиванием.

В конце стабильного периода господствующие мысли становятся очевидным образом вымороочными, их усложнённость и углублённость начинают отдавать декадентским смрадом, их жизненность полностью исчезает. Нарастает специфическая тлетворность. Всё ощутимее становится упоение некоей интеллектуальной гнилостью. В сущности, именно такая мутация идей господствующего класса наряду с определёнными явлениями в производственном базисе

порождает начало революционного периода.

Вновь подчеркну, что Томсон, например, не использует понятие «мутация» в своём исследовании. Но, создавая некий концентрат его идей и используя при этом слова, которые Томсон не использует, я не грешу против всего того, что составляет настоящеc содержание мыслей Томсона.

На всякий случай ещё приведу его буквальную формулировку: «*Отделение теории от практики* (по мере развития праздности господствующего класса — С. К.) *быстро достигает такого пункта, на котором сама теория, будучи оторвана от своих корней в производственном процессе, обнаруживает тенденцию к упадку*».

Как мы видим, я не исказил идею Томсона о мутации теорий господствующего класса в силу нарастающей тенденции этого класса к разрыву со всем, что связано с физическим трудом и его практической созидательностью.

Идея № 5 — и в силу изменения производственных отношений, и в силу той мутации идей, теорий, мыслей, которую мы рассмотрели выше, рано или поздно наступает революционный период, в ходе которого классовое общество теряет свою стабильность.

Идея № 6 — в революционный период часть господствующего класса переходит на позиции нового революционного класса и играет активную роль в разработке новой идеологии.

Идея № 7 — наиболее подвержена подобному переходу та часть господствующего класса, которая занята разработкой идей. Или, точнее, часть этой части.

Идея № 8 — в недрах революционной нестабильности доформировывается новый господствующий класс (если, конечно, речь идёт о революциях, происходящих при сохранении классовой природы общества).

Идея № 9 — новый господствующий класс создаёт свою идеологию из двух источников.

Первым источником является переработанное новым классом идейное содержание, которое до выхода нового господствующего класса на арену сумел создать старый господствующий класс.

Перерабатывая это содержание, новый господствующий класс, грубо говоря, «фильтрует базар». То есть он отбрасывает всё то, что в этом содержании противоречит его классовым интересам, всё то, что ему представляется выморочным.

Вторым источником является идейное содержание, созданное новым господствующим классом в эпоху, когда он ещё был на сто процентов классом эксплуатируемым.

Новый господствующий класс, ещё только начиная формироваться в горниле революционных трансформаций, понимает, что его старые идеи оглутились, деформировались, преследовались, искаjались старым господствующим классом. Он теперь избавляет свои идеи от этих оглуpлений, деформаций, преследова-

ний, искажений. И — очистив свои собственные идеи от всего этого — он соединяет свои очищенные идеи (второй источник идеологии нового господствующего класса) с идеями старого господствующего класса, освобождёнными от вымороочности и подчинёнными его, нового господствующего класса, сущностным интересам (первый источник этой идеологии).

Томсон пишет: «*Новая идеология создаётся из обоих этих источников и образует единство в той мере, в какой этот новый класс (новый господствующий класс как то, что ещё только формируется в горниле нарастающей революционности — С. К.) представляет собой единство*».

Утверждая это, Томсон фактически почти настаивает на том, что такой новый класс не представляет собой единства. В этом состоит ещё одна из тех идей Томсона, которые нам необходимо выделить в рамках предлагаемой Томсоном марксистской интеллектуальной «системной ар-

хитектуры».

Идея № 10 — в революционную эпоху приходится иметь дело не с одним, а с двумя эксплуатируемыми классами. Томсон пишет: «*Обычно, однако, мы находим в такие периоды не один, а два эксплуатируемых класса, из которых один руководит революцией, а другой сплачивается для её поддержки*».

Итак, мы находим у марксиста Томсона, анализирующего античность, не один, а два эксплуатируемых класса, участвующих в революции. Это, во-первых, класс — руководитель революции (руководящий революционный класс). И это, во-вторых, класс, поддерживающий революцию (класс-союзник).

Томсон настаивает на том, что в революционных условиях «*преобладающее значение приобретают именно идеи руководящего революционного класса. Они находятся в тесном родстве с идеями класса-союзника, поскольку они в действительности из них ведут своё проис*

хождение. Точно так же, как и сам руководящий класс возник из этого второго в процессе развития способа производства».

Иначе говоря, жил да был некий класс, эксплуатируемый господствующим классом. Эксплуатация эта осуществлялась в условиях стабильного общества. И потому эксплуатируемый класс создавал свои идеи в условиях преследования, в условиях неспособности к интенсивному духовному и интеллектуальному развитию идей, в условиях, когда над этими идеями всё время глумились, издевались, когда их всячески оглупляли эксплуататоры и в оглуплённом виде навязывали эксплуатируемым.

Затем эксплуатация перестала осуществляться в условиях стабильного общества. Общество стало нестабильным. То есть сначала предреволюционным, а потом и революционным. В этих условиях внутри эксплуатируемого класса возникают руководящий революционный класс и класс-союзник. Они возникают из вчерашнего

единого эксплуатируемого класса. Они понимают, каково их действительное классовое происхождение. И они понимают, откуда они черпают некий начальный идейный потенциал.

Особо остро это понимает руководящий революционный класс. Он понимает, что возник из класса эксплуатируемых, что большая часть этих эксплуатируемых осталась в рамках второго класса — класса-союзника. Создавая новый синтез из двух источников (приемлемые идеи старого господствующего класса и очищенные от искажения идеи старого эксплуатируемого класса), руководящий революционный класс стремится укреплять свою идейную связь с классом-союзником. Иначе ему не выстоять в борьбе со старыми эксплуататорами.

Применяя перечисленными нами десять идей к орфизму, Томсон рассматривает три направления развития античной демократической мысли. Он утверждает, что первое из этих направлений представлено Анаксимандром

из Милета и Солоном из Афин. Что оно «выражает старую аристократическую традицию, изменённую и развитую той частью аристократии, которая связала свою судьбу с новым купеческим классом».

Анаксимандр Милетский (610–547/540 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель милетской школы натурфилософии, ученик Фалеса Милетского и учитель Анаксимена.

Фалес Милетский (640/624–548/545 гг. до н. э.) — представитель ионической натурфилософии и основатель милетской школы (её другое название — ионийская). Считается, что именно с этой школы начинается развитие европейской науки. Фалеса называют первым из семи мудрецов, заложивших основы греческой культуры и государственности. Малоазиатские корни ионической школы я рассматривал в своей работе «Судьба гуманизма в XXI столетии».

Анаксимен Милетский (585/560–525/502 гг. до н. э.) — последний представитель всё той же милетской школы, развивавший идеи Фалеса и Анаксимандра.

Солон из Афин (640/635–559 гг. до н. э.), которого Томсон ставит в один ряд с Анаксимандром из Милета, нами уже обсуждался. Это предшественник афинского правителя Писистрата, начавший реформы в интересах эксплуатируемого класса, безжалостно угнетаемого олигархами-эвпатридами. По своему происхождению Солон принадлежал к высшей аристократии, но, будучи разорившимся эвпатридом, полностью встал на сторону эксплуатируемых классов, преобразуя архаический афинский полис в аристократическую республику. Дело Солона завершил Писистрат.

Томсон утверждает, что именно научный пафос милетской школы и политические реформы Солона стали одним из слагаемых новой идеологии — что это слагаемое «выражает ста-

ную аристократическую традицию, изменённую и развитую той частью аристократии, которая связала свою судьбу с новым купеческим классом».

Но как же быть со вторым слагаемым, которое, исходя из идей Томсона, должно воплощать в себе «традиции и стремления разорённого крестьянства»?

Томсон утверждает, что такое низовое второе слагаемое «не может быть представлено, как этого и следовало ожидать, никаким знаменитым именем, однако его можно изучать по мистическим культурам, связанным с мифической фигурой Орфея». Забегая вперёд, можно сказать, что Томсон рассматривает ещё и синтез этих двух — анаксимандровско-солоновских и орфических — идей, считая, что в наибольшей степени этот синтез осуществляет пифагорейство. Но самое главное для нас — это томсоновская расшифровка того, почему Лафарг рассматривает в одном ряду Прометея и орфизм.

Лафарг рассматривает их в одном ряду потому, что орфизм для него есть одна из идейных сил антиэвпатридской революции, требующей для каждого эксплуатируемого права на душу. Рассматривая Томсона, мы убеждаемся в том, что сопричастность орфизма духу революции, духу борьбы эксплуатируемых за свои фундаментальные права не является идеей одного марксиста Лафарга, не получающей в дальнейшем никакого развития.

Марксист Томсон действительно продолжает в этом вопросе линию марксиста Лафарга.

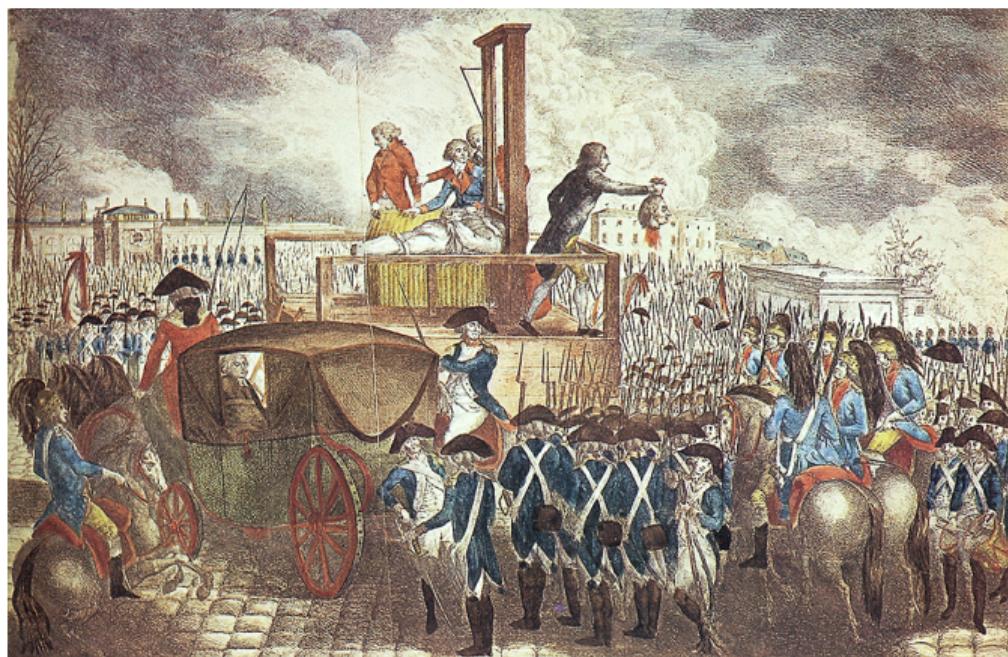
(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

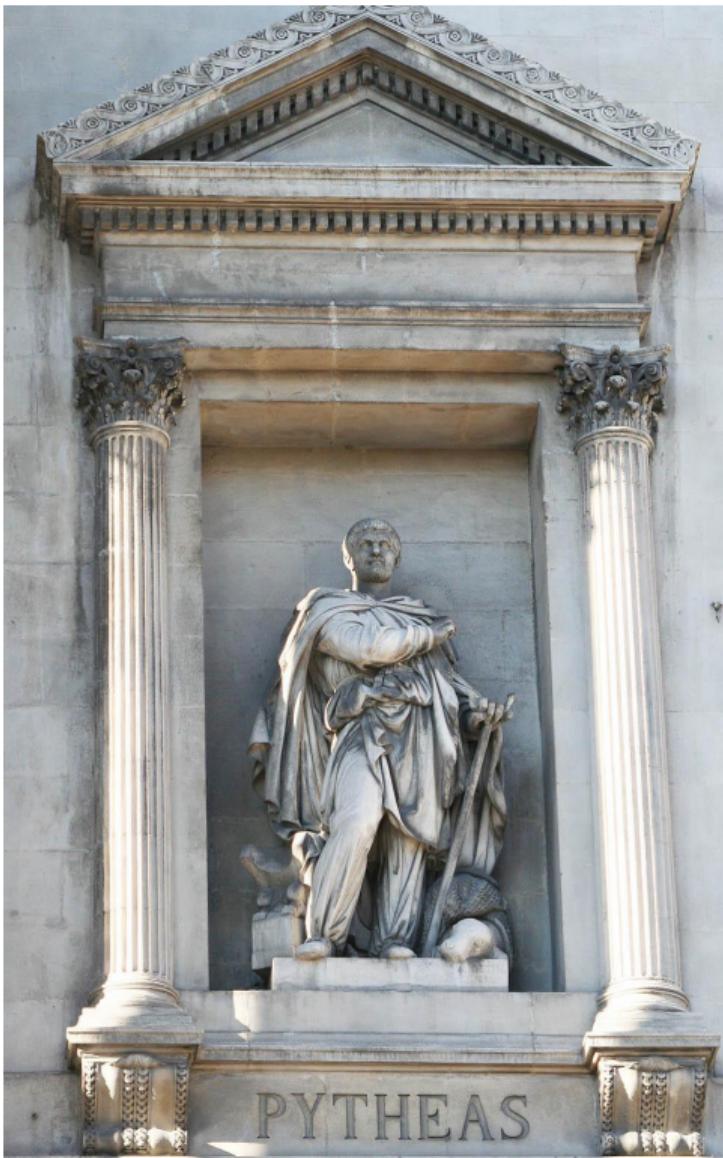
Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Пифей и его соратники двинулись в путь на двух пятивёсельных кораблях. Они доплыли до Гибралтарского пролива, который тогда был полностью подконтролен карфагенянам, не пропускавшим через Гибралтар чужеземные корабли. Но Пифей под покровом темноты сумел проскользнуть мимо карфагенянской стражи. Корабли оказались в Атлантическом океане

Георг Генрих Зивекинг. Казнь Людовика XVI
(фрагмент). 1973 г.

Статуя Пифея в Марселе

Много говорилось раньше о зловещей роли в убийстве царской семьи большевиков вообще и прежде всего — Ленина и Свердлова.

Многое до сих пор повторяется по инерции, включая сплетни некоего Беседовского, утверждавшего, что он сочиняет сказки для идиотов. Но есть много новой информации, источниками которой являются не выдумщики, а официальные инстанции, занятые следственными действиями. Эта новая информация говорит о том, что ни Ленин, ни Свердлов не были причастны к убийству царской семьи. А также о том, что всё было совсем непросто, что местные (екатеринбургские и т. п.) революционные власти никак не подчинялись большевистскому центру, что в угаре гражданской войны эти местные власти поубивали много кого, включая родственников Ленина.

Не хочу подробно дискутировать по данному поводу. Французский революционный Конвент казнил королеву и короля, безжалостно

свёл в могилу их сына и в целом вовсе не был лишён определённой кровавости и свирепости. Поэтому даже если бы Ленин и Свердлов в условиях гражданской войны приказали уничтожить царскую семью, дабы она не оказалась инструментом в руках врагов революции, то это только означало бы некое созвучие их действий и действий французского революционного Конвента. Никто по причине свирепости и кровавости действий этого Конвента не отказывается от основополагающих идей Французской революции.

Очевидное неучастие Ленина, Свердлова, всего большевистского центра в убийстве царской семьи делает ещё более «исторически неразумными» (самое мягкое из всех определений, которые можно дать в данном случае) вопли наших нынешних монархистов и белогвардейцев о беспрецедентном злодействе «большевиков-цареубийц».

Тщательное расследование реального убийства царской семьи ещё предстоит осуществить.

Придётся ещё задать много деликатных вопросов по поводу того, на чём основаны утверждения сил, демонизирующих «большевистское» цареубийство. Но это всё следует обсуждать в другом исследовании.

В этом исследовании обсуждается другое — странное поведение царезащитников. Ну предположим, что большевики стремились убить царя и его семью и реализовали своё стремление на деле. В сущности, почему бы нет? Они в этом случае действовали бы всего лишь по лекалам Английской и Французской буржуазных революций с некоторыми поправками на специфику Гражданской войны, огромность территории, на которой велась эта война, воцарившуюся в пределах этой войны анархию и так далее.

Но в любом случае большевики были в своём праве. Они ненавидели царя и его семью. Они унаследовали некий пафос, выраженный, в том числе, и в словах:

Самовластительный злодей!

*Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

Не собираюсь обсуждать тонкую структуру этих пушкинских строк, их связь со следующими строками, исторический и философский контекст... Большевикам было не до этого. Русские большевики повторяли нечто за разночинными русскими революционерами, те это повторяли за русскими дворянскими революционерами («*Кишкой последнего попа последнего царя удалим*»; «*А молитву сотовря, третий нож на царя. Слава!*»).

А все эти русские заклятья, в свою очередь, являются только вариацией на якобинскую и более древние темы. Итак, большевики ненавидели царизм и его реальное воплощение (то есть семью): они пострадали от этого субъекта. Этот субъект вешал и расстреливал то, что было им дорого, он запятнал себя кровью их друзей и кровью народной, он изломал жизнь большевиков,

скитавшихся по тюрьмам и каторгам. И он был препятствием на пути реализации великой большевистской мечты. Говорю не о том, как это было на самом деле, а о том, как относились большевики к царской семье, а семья — к большевикам.

При таком отношении — собственно, почему бы и не осуществить цареубийство? Тем более что царь для тебя — не «помазанник божий», а «бога нет» и так далее...

Могу сравнить эту свою концепцию естественности большевистского цареубийства, например, с концепцией естественности разрушения Советского Союза американским империализмом вообще и ЦРУ в частности.

Если ЦРУ и американский империализм разрушили СССР, то они добились своей естественной цели, которую они когда-то открыто декларировали, а когда-то чуть-чуть прикрывали фиговым листком мирного сосуществования, к которому (в отличие от Хрущёва и иже с ним) никогда не относились всерьёз, под которым никогда

(в отличие от КПСС) политически всерьёз не «подпisyвались» и так далее.

Можно ненавидеть американский империализм и ЦРУ за разрушение СССР. Это естественно, если ты любишь СССР так, как люблю его я.

Можно считать СССР благим началом, а американский империализм — началом злым (как я считаю). И, соответственно, можно ненавидеть американский империализм и ЦРУ за убийство СССР. Но нельзя при этом не признавать, что данное злое начало сработало эффективно, что оно действовало, фактически не скрывая своих целей. Что оно действовало в своих интересах. И что, в конце концов, это я считаю американский империализм злым началом, а американцы считают его «светлым градом на холме» и, разрушая СССР, они спасали этот светлый град от гибели, которую сулили ему «безбожные коммунисты».

Такое убийство СССР, отвечающее декларации того, кто его убивает, ценностям и интересам убийцы и так далее, я называю естественным.

Естественность убийства вовсе его не оправдывает в нравственном, метафизическом, геополитическом или любом другом другом смысле слова. Но оправдание убийства — это одно, а признание его естественным — это совсем другое. Ненавидящий врага убийца, стремящийся его уничтожить, в каком-то смысле находится в своём праве. Как я неоднократно говорил по поводу гибели СССР, американцы были в своём праве, ЦРУ выполнило свой долг, а вот что делали КПСС и КГБ?

Ровно такой же вопрос можно поставить в случае убийства царской семьи. Я убеждён, что ещё до 2020 года выяснится, что большевики не убивали царскую семью. Но предположим, что они её убивали. Они были в своём праве в такой же степени, в какой ЦРУ и американский империализм были в своём праве, когда убивали СССР. Что делали защитники царя, что делали влюблённые в него монархисты? Я не спрашиваю даже о том, что они делали в момент, когда Февральская революция уничтожала их лю-

бимую монархию. Я спрашиваю, что они делали для того, чтобы спасти царя и его семью? Они ведь должны были что-то делать, не правда ли? И их было немало — тех, кто хотел спасти. Они были достаточно умелыми. Они могли и должны были воспользоваться царящим хаосом...

Так почему они не спасли царя и его семью?

Это в методологическом и концептуальном плане в точности тот же вопрос, который возникает, когда ты пытаешься понять, почему КГБ и КПСС не спасли СССР. Подчёркиваю, что в данном случае я провожу аналогию лишь методологическую и концептуальную, но вполне может оказаться, что она приобретёт иной характер, совсем уж конкретный и беспощадный. Но пока что не будем на ней зацикливаться. Признаем только, что (внимание!)

monархисты не смогли спасти царя и его семью, потому что этим спасением руководила царица, которая полностью доверилась дочери

Распутина Матрёне и её мужу Соловьёву.

После свержения монархии царица контролировала ситуацию в семье и в том, что касалось семейной политики, даже больше, чем до свержения монархии. Матрёна Распутина и её супруг сказали ей, что надо ориентироваться только на них, и царица отсекала всех спасителей, которых не рекомендовали ей Соловьёв и Матрёна. В результате Соловьёв и Матрёна последовательно и бестрепетно привели семью в точку, где она была ликвидирована. Это утверждение принадлежит не мне, а следователю Н. Соколову, человеку вполне честному, настроенному монархически, белогвардейски, антибольшевистски и так далее. Профессионалу, проявившему в своём расследовании поразительное упорство. И заплатившему за это жизнью.

Но кому на самом деле доверились царица? Кого олицетворяли для неё Матрёна Распутина и её супруг? «Кто обманывал императрицу?» —

спрашивает Николай Соколов. И отвечает, что обманывали царицу Матрёна Распутина и Борис Соловьёв. Что царица полностью доверились Борису Соловьёву и так далее.

Но почему она доверилась Борису Соловьёву? Ведь тем, что он является мужем Матрёны Распутиной, это может быть объяснено лишь отчасти. В существенной степени это объяснено тем, что Соловьёв был для царицы посланцем некоего Тибета, к которому она была неравнодушна. Что Соловьёв олицетворял для царицы некую тибетско-германскую линию, некую тибетско-теософскую линию, конкретную тибетскую линию в её интерпретации госпожой Еленой Блаватской, у которой Соловьёв учился во время своего пребывания в Теософской школе Блаватской, находящейся в городе Адьяре.

Итак, царица (да и не только она) верили: а) Бадмаеву, грезившему Тибетом, б) Доржиеву, грезившему Тибетом и помогавшему Бадмаеву, в) Гедину, с которым строили специальные отно-

шения, несмотря на то, что Гедин к началу Первой мировой войны стал предельным германофилом и русофобом, работал на немецкую разведку, и, наконец, г) этому самому Соловьёву. О Распутине уж и не говорю. Это на уровне персоналий, выявленных отнюдь не на конспирологической основе. Все только что названные а), б), в) и так далее можно подтвердить документально. Но что стоит за этими персоналиями? Мы убедились, что за ними стоит некий «зелёный», а также «зелёные». И что эти «зелёные» управляли процессом из Швеции. Каким процессом?

Понятно, что для прагматически настроенной немецкой разведки речь шла о подрыве государственной стабильности, получении ценной военной информации и так далее. Но для таких людей, как Бадмаев, Доржиев, Гедин, для этого самого Соловьёва с его теософскими тибетскими заморочками, для Распутина, наконец, всё не могло сводиться к торговле русскими национальными интересами в интересах иноземных

спецслужб. Всё должно было быть более объёмным. Иначе в этом нет места мистической тибетской теме, а мы же видим, что эта тема пропитывает каждую пору исследуемой нами как бы политической ткани.

Мой оппонент-конспиролог скажет: «Да что Вы ломитесь в открытую дверь! Подпись «зелёный» означает тибетский «Орден зелёного дракона», в который входили и Хаусхофер, и Бадмаев, и Доржиев, и Гедин, и многие другие! «Зелёный дракон» организовал крах Российской империи, крах Германской империи, он, будучи укоренённым в среде прибалтийских немцев, породил нацизм и страстно желал краха СССР. Он в итоге и добился этого краха».

Это скажет даже умеренный конспиролог, а конспиролог крайний скажет, что «зелёные силы» олицетворяют собой некий вечно действующий полюс мирового зла. А дальше — уж кто кого включит в этот полюс... Кто-то — шиитов, кто-то — суннитов, кто-то — экологов, кто-то — хо-

зяев зелёных чернильниц, кто-то — людей в зелёных перчатках... Именно так и выглядят неаппетитные «конспирологические колбаски», которые я обещал обсудить с читателем, настаивая на том, что смотреть на них необходимо, оскоромливаться ими не стоит.

Я не ломлюсь в открытую дверь, уважаемые господа конспирологи! Я хочу оперировать доказательной информацией. Я хочу оставаться в рамках спецistorии. И я остаюсь в этих рамках до тех пор, пока ориентируюсь на докладные начальника почт Российской империи или на воспоминания князя Юсупова, на свидетельства Свена Гедина или на расследования Николая Соколова. В любом из этих случаев есть конкретика, есть документальность, есть доказательность.

Всё это есть и в материалах об «Аненербе», о Фон дер Гольце и его «Балтикуме», который действительно потом плавно перетёк в общество «Туле», в материалах о самом этом обществе «Туле», в материалах о Хаусхофере и его друге Си-

версе, который, в свою очередь, является другом Хильшера.

Конкретных материалов достаточно много для того, чтобы не относиться только с неким пренебрежением и отвращением к зелёным «конспирологическим колбасам». Но нам мало свидетельств того, что эти самые «колбаски» имеют какое-то отношение к существу дела, нам нужно само существо дела. Причём такое существо дела, которое окажется достаточно масштабным для того, чтобы оправдать обращение к нацистско-зелёной теме в исследовании, посвящённом не нацизму, а судьбе гуманизма в XXI столетии.

Тут нельзя бесконечно перебирать интересные фактуры, даже самые доказательные. Надо сначала поставить вопрос ребром. Такая постановка вопроса сводится к тому, с какого, собственно, ляда и в какой степени некий Запад — да, Запад в целом, а не его отдельные представители, пусть и принадлежащие к романов-

ской или другой элите, — так интересовался Тибетом? Собственно, «что он Гекубе, что ему Гекуба»? Где Запад, а где этот Тибет? Есть европейское человечество, оно же — Запад. Какое ему дело до каких-то тибетских, мало на него похожих и не слишком-то могучих народов? И мы-то с вами, часом, не запутались?

Ну понятно, как повлиял на западную идентичность тот же Вергилий. Или Гёте. Понятно, как влияли на неё древние народы Средиземноморья, у которых Вергилий заимствует идентичность. Можно как-то понять, как на всё это влиял Египет. Можно обсуждать влияние других ближневосточных древних цивилизаций. Но при чём тут Тибет? Каким мёдом там, прошу прощения, намазано? И кому этот мёд кажется привлекательным?

Выше я проблематизировал особый интерес к Тибету в силу его, казалось бы, очевидной далёкости от интересующих нас проблем западной идентичности. То ли дело — Вергилий, сказал я,

или Гёте... Тут вопрос о вкладе в формирование западной идентичности гораздо более очевиден.

М-да, Вергилий... Совсем-совсем ненадолго вернёмся к нему. Причём не к его «Энеиде», а к его «Георгикам», в которых, казалось бы, говорится всего лишь о сельскохозяйственной проблематике.

Следуя традиции, Вергилий взывает к помощи богов сельского хозяйства, которые должны помочь ему справиться с неподъёмной без этой помощи сельскохозяйственной темой. Он взывает к Либеру (Вакху) и к Церере (Деметре). Он говорит о великом благе сельского хозяйства, благодаря обретению которого люди перестали питаться желудями Хаонии и начали вести собственно человеческий образ жизни. Хаония — это область в Эпире, где находятся священные дубы Юпитера. Римляне считали, что до появления земледелия люди питались дикими плодами и желудями. Так что адресация Вергилия к Хаонии понятна. Он пытается провести грань между

хаонической дикостью и сельскохозяйственной цивилизованностью, благословляя последнюю.

Благословляет Вергилий и чаши с вином как дары цивилизации (естественно, речь идёт о вине, разбавленном водой, что в ту эпоху было обязательной нормой приличия для цивилизованного человека). Обращается Вергилий к лесным божествам фавнам, девам-дриадам, к грозному Нептуну, подарившему человечеству коней, к Пану, блюстителю овец, ко всем богам и богиням, так или иначе связанным с сельским хозяйством. Но Вергилий не был бы Вергилием, если бы в число божеств, к которым он обращается за благословением, не был введён Цезарь, не Гай Юлий Цезарь, а Октавиан Август — император, создавший великую имперскую римскую идентичность, заказчик и вдохновитель Вергилия. Вергилий обращается к нему уже после того, как помянул всех сельскохозяйственных божеств и дошёл до тех, кто «обильно с небес поливает всходы». Дойдя до них, Вергилий обращает-

ся к богу-императору Августу:

*Ты, наконец, — как знать, какие собранья бес-
смертных*

*Вскоре воспримут тебя, — города ли увидеть,
о Цезарь,*

*Иль все пределы земли пожелаешь, или целой
вселенной,*

*Ты, как земных податель плодов и властитель
погоды,*

*Будешь смертными чтим, материнским увен-
чанный миртом?*

*Станешь ли богом морей беспредельных,
и чтить мореходы*

*Будут тебя одного, покоришь ли ты крайнюю
Фулу...*

Пообещав читателю, что я вернусь к Вергилию совсем ненадолго, я выполняю обещание, обрывая перечисления метафизических и метаполитических возможностей, которые Вергилий сулит возлюбленному императору. В числе этих возможностей, как мы убедились, покоре-

ние «крайней Фулы». «Фула» — это Туле. Тут никаких натяжек нет. Во-первых, потому, что все знают про упоминание Вергилием крайней Тулы. Этот вопрос подробно разобран не конспирологами, а настоящими специалистами. А, во-вторых, потому что достаточно посмотреть на латинскую строку, чтобы всё стало ясно: «*Numina sola colant, tibi serviat ultima Thule...*»

Создатели общества «Туле» как раз и говорили об «ultima Thule». А уж «Фуле» или «Туле» — тут многое зависит от специфики перевода с латинского на русский, а нас ведь интересует оригинал.

Итак, у Вергилия сказано об «ultima Thule». Причём буквально о том самом «ultima Thule», которое взято на знамя сначала Хаусхофером, а потом, с его подачи и при его участии, — эсэсовцами из «Чёрного ордена» и общества «Аненербе».

Так что, — говорю в упрёк самому себе — как мы видим, нельзя совсем уж отрывать те иденти-

ификации, которые строит Вергилий, от тех идентификаций, которые строят создатели нацизма. Ровно в той степени нельзя отрывать полностью Матерей из гётеевского «Фауста» от «пути к Матерям» в том понимании, которое вкладывают в это эсэсовцы.

Когда я говорю «нельзя совсем отрывать одно от другого», я совершенно не призываю отождествлять одно с другим. Я всего лишь обращаю внимание на некую связь и начинаю эту связь, что называется, расковыривать. Согласен, долгое и скучное занятие. Но, по мне, это лучше, чем с конспирологической лихостью брать быка за рога... прошу прощения, «зелёного дракона» за его нацистское оперение.

Об острове Туле впервые заговорил некий Пифей из Массилии, он же — Пифей Массалиот (ок. 380 до н. э. — ок. 310 до н. э.). Это реальная историческая личность — древнегреческий купец, путешественник, географ, родившийся в Массалии (современный Марсель). Пифей совершил фан-

тастическое по тем временам и, что главное для нас, вполне реальное путешествие вдоль берегов Северной Европы. Оно описано в книге Пифея «Об Океане». Сама эта книга до наших дней не дошла, но на неё ссылаются такие авторитетные историки древности, как Страбон, Плиний Старший, Полибий. Отношение к Пифею сложное. Тот же Страбон, ссылаясь на точность геодезических и астрономических наблюдений Пифея, склонен скептически относиться к другим его описаниям. Но нас в данном случае волнует не точность сведений Пифея, а то, что именно он — этот древнегреческий географ, астроном и математик, убедивший массилийских торговцев профинансировать его экспедицию на север за оловом и янтарём, заговорил об острове Туле. Тем самым упоминание Туле Вергилием так или иначе связано с пифеевским открытием (или квазиоткрытием) этого самого «ultima Thule».

Путешествие Пифея началось в 325 году до нашей эры. Грек Пифей отправился

в путь из Массилии/Марселя, всячески скрывая ото всех цели путешествия. Потому что греки, пославшие Пифея, конкурировали с карфагенянами и хотели лишить их монополии на добычу олова и янтаря.

Пифей и его соратники двинулись в путь на двух пятивёсельных кораблях. Они доплыли до Гибралтарского пролива, который тогда был полностью подконтролен карфагенянам, не пропускавшим через Гибралтар чужеземные корабли. Но Пифей под покровом темноты сумел проклызнуть мимо карфагенянской стражи. Корабли оказались в Атлантическом океане. Даже сейчас, совершенно на другом уровне развития мореплавания, путешествие вокруг северной Испании и Португалии считается небезопасным. А во времена Пифея это была суперавантюра, фактически обречённая на крах. Однако Пифею повезло. Он преуспел, добрался до Карбилона (кельтского города в устье реки Луары) и оттуда поплыл на север. Он добрался до полуострова Бре-

тань и находящихся рядом с ним островов, вступил в отношении с местными племенами, включая племя венетов. И понял, что ему надо двигаться на север с тем, чтобы добраться до месторождений олова. Он двинулся на север, добрался до Британии (острова Альбион), закупил олово и поплыл вокруг западных берегов Британии.

Пифей наблюдал рост протяжённости светового дня (его экспедиция, естественно, происходила летом, так что было что наблюдать). Он впервые в истории человечества установил прямую зависимость между географической широтой и протяжённостью дня и ночи. Так что речь идёт об очень и очень серьёзном исследователе. Пифей добрался до берегов Северной Шотландии, доплыл до Оркнейских островов и дальше совершил своё знаменитое плавание в неведомую далёкую страну Туле, с которой торговало население Британии.

Бывают разные мнения по поводу того, что это за Туле: идёт ли речь о каком-то районе Северной

Норвегии или о чём-то другом. Как бы там ни было, Пифей после этого проплыл вдоль южных берегов Северного моря, добрался до залежей янтаря и, оказавшись в густом тумане, решил, что достиг края земли. После чего повернул назад.

Пифею принадлежит много открытий. Например, он впервые высказал предположение о том, что возникновение приливов и отливов связано с лунным тяготением. Пифей разобрался — опять-таки впервые — как надо ориентироваться на Полярную звезду для того, чтобы двигаться в верном направлении.

Всех таких открытий не перечислить. Считается, что книга Пифея, в которой о Тule сообщалось нечто существенное, сгорела в Александрийской библиотеке в 47 году до н. э. Дальше начинаются разнотечения. Одни источники говорят, что этот пожар подводит черту под существованием пифеевской информации, и дальше можно ориентироваться только на авторов, ссылающихся на Пифея. Другие считают, что подлинник

пифеевской книги попал в руки римлян, после как Массилия в 49 году до н. э. была взята войсками Цезаря. Но мне бы хотелось сейчас поговорить с читателем не о судьбе книги Пифея, а о той Массилии, которая породила в том числе и этого великого путешественника.

Потому что, обсуждая Массилию, мы вернёмся, как ни странно, к тому, что касается «кочующих очагов высокой цивилизации». Когда-то мы их обсудили достаточно подробно. Но потом путь нашего исследования сильно отклонился от задаваемых ими вех. Теперь можно вернуться к тому, что, казалось бы, навсегда ушло из поля нашего рассмотрения.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Экономическая война

О некоторых тенденциях в экономике России: оптимизм преждевременен и опасен

Надо менять экономическую политику, причём как можно скорее, и не косметически, а фундаментально. Пауза сегодняшнего — очень незначительного — смягчения международной обстановки явно будет недолгой, после чего давление на Россию «по всем фронтам и векторам», скорее всего, возобновится с новой силой

Нельзя не признать, что наша экономика — пока — двухлетнее тяжелейшее давление выдержала. Вопреки заверениям г-на Обамы, её не «разорвали в клочья» удар мирового кризиса, удар обрушения цен на ключевые товары российского экспорта (прежде всего, на нефть), а также удар санкций, введённых против нашей страны после государственного переворота на Украине и присоединения Крыма.

Есть ли у нас основания для дальнейшего оптимизма?

Некоторые околоправительственные и независимые экономисты считают, что основания есть. Почему?

Как мы видим, с середины января сформировался некий новый — пока устойчивый — тренд повышения цен на нефть. Цена сорта Brent за этот период поднялась с 27–28 долл./барр. до нынешних 42–45 долл./барр., и в моменте даже пробивала отметку 46 долл./барр.

На этом фоне произошло существенное сни-

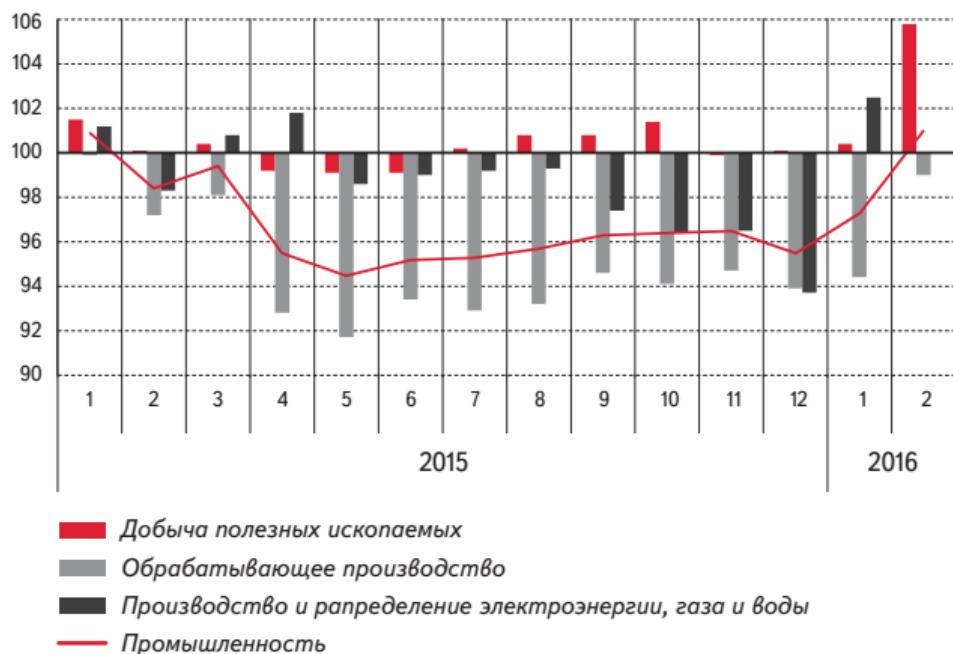
жение курса доллара к рублю — с 80 руб. в январе до нынешних 65–67 рублей.

Валютные резервы России с уровня \$520 млрд в начале 2014 г. упали до \$360–370 млрд и застабилизировались. Стабилизировался и совокупный внешний долг банков, корпораций и государства. Он с \$720 млрд в начале кризиса (весна 2014 г.) снизился до уровня около \$515 млрд и не растёт, причём доля госдолга в нем — всего около 10%. Судя по последним данным, правительство отказалось от наращивания долга для покрытия дефицита бюджета, то есть от идеи спешного размещения на открытом рынке российских еврооблигаций.

Далее, можно — хотя пока осторожно — говорить о том, что снизились темпы спада объёмов промышленного производства. Во всяком случае, в последние три месяца промпроизводство практически не падает (рис. 1). Правда, как мы видим, основной промышленный оптимизм связан с отраслями добычи полезных ископае-

мых, а также с сезонным ростом энергопотребления.

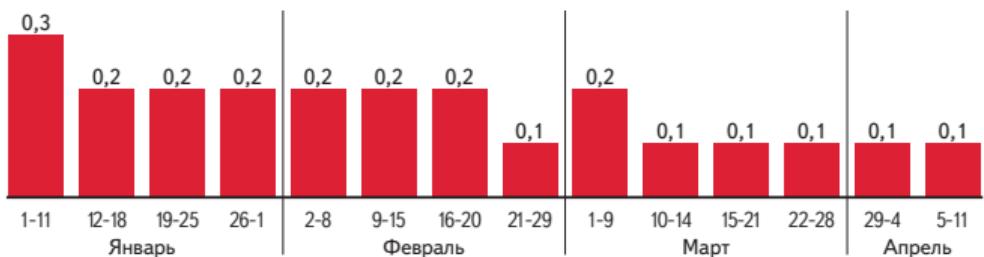
Рис. 1. Темпы промышленного производства по видам экономической деятельности в 2015–2016 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года.
(Источник: Росстат)

Нужно также отметить, что в последние месяцы у нас устойчиво снизилась инфляция (рис. 2). И немало аналитиков считают, что если в стране и мире не произойдёт крупных экономических

эксцессов, то российская инфляция в этом году не выйдет за пределы 7–8%.

Рис. 2. Динамика недельной инфляции в РФ. (Источник: Росстат)

Важное и, видимо, знаковое событие в Нидерландах

Ещё одна хорошая новость недавно поступила из Нидерландов. Окружной суд Гааги отменил решение по делу «ЮКОС против России», которое в июле 2014 года вынес Международный третейский арбитраж в той же Гааге. Тогда арбитраж объявил, что национализация и продажа активов ЮКОСа является «незаконной экспроприацией», и присудил России выплатить бывшим

владельцам ЮКОСа \$50 млрд.

Однако, как мне представляется, победные реляции типа «Россия победила» в данном случае неоправданы. Потому что в этом событии дело, скорее, не в ЮКОСе, и не в том, что голландская юстиция вдруг воспылала симпатией к России. Дело, думается, прежде всего в том, что Третейский арбитражный суд в Гааге, решение которого отменил окружной суд, — это прообраз тех международных арбитражей, которые США требуют создать в рамках двух своих глобальных экономических проектов: Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств.

Эти партнёрства, которые должны охватить страны, производящие около 70% мирового ВВП, создаются фактически для замены Всемирной торговой организации и отмены торговых режимов и правил ВТО на всех территориях стран-членов новоявленных партнёрств. А арбитражи этих партнёрств призваны — подчеркну, в обход и вместо национальных судов! — разрешать все

споры по искам транснациональных корпораций к государствам, которые, якобы, ущемляют интересы ТНК на соответствующих государственных территориях.

Чем чревато появление двух упомянутых партнёрств для мира и для России — отдельная тема, в которую я здесь углубляться не буду. Однако, как мне кажется, отмена окружным судом Гааги этого решения Третейского арбитража — важный симптом настроений определённой части голландской элиты.

Эта часть элиты осознала, что «колокол» решений подобных международных арбитражей звонит, в том числе, и по ней и её интересам. И эта часть элиты показывает, что не намерена подчиняться диктату транснациональной бюрократии, которая слишком очевидным образом лоббирует интересы США. Эта часть элиты даёт понять, что не желает передавать сферы своей юрисдикции во вненациональное (а по сути, в американское) ведение. В связи с этим хочу об-

ратить внимание на формулировку из решения окружного суда Гааги, которая, по сути, повторяет заявление России в этот суд: «*в компетенцию арбитража не входило рассмотрение исков подобного рода*».

Нужно отметить, что решение окружного суда Гааги в пользу России — в ряду исков вокруг ЮКОСа не первое. В январе Российское космическое агентство выиграло во Франции суд с оффшором-наследником ЮКОСа, отменив арест активов РКА. В конце февраля Апелляционный суд Швеции отменил решение арбитража торговой палаты Стокгольма о взыскании с России испанскими инвестфондами \$2 млн по американским депозитарным распискам на акции ЮКОСа. Однако это были частные дела против России, открытые на основе решения Третейского арбитража. Сейчас же признано незаконным само это исходное решение.

Кроме того, нельзя не отметить, что решение окружного суда Гааги ставит под глубокое со-

мнение ещё один судебный вердикт против России — вынесенное в том же июле 2014 г. решение Европейского суда по правам человека о выплате Россией тем же бывшим акционерам ЮКОСа примерно 2 млрд евро.

Мне представляется, что нынешнее решение суда Гааги находится в плотной связи с результатом недавно проведённого в Нидерландах (противального для Киева) референдума по ассоциации Украины с Евросоюзом. В связи с этим замечу, что, несмотря на решение парламента Нидерландов об игнорировании результатов этого референдума и поддержке ассоциации Украины с ЕС, в стране уже широко и энергично обсуждается идея проведения ещё одного референдума — по упомянутому выше Трансатлантическому партнёрству. Причём в поддержку проведения этого референдума за очень короткий срок уже собрано около 100 тысяч подписей из необходимых 300 тысяч. То есть в Голландии налицо признаки достаточно широкого — и элитно-

го, и массового — протеста против диктата США и проамериканской евробюрократии.

В этом смысле, с учётом того, что Америка усиленно навязывает Европе переход в экономической сфере к англосаксонскому прецедентному праву, эти голландские прецеденты — решение по ЮКОСу и референдумы — мне кажутся стратегически значимыми не только для России и Европы, но и для перспектив развития глобальной ситуации.

О ценах на нефть

Возвращаясь к конкретике российской экономики, отмечу, что, как мне представляется, нам рано радоваться нынешнему повышению цен на нефть. А многие — в том числе в российской власти — уже вовсю радуются. В частности, в наших околовластных кругах поутихли разговоры о том, что необходимо ещё раз срочно «резать» бюджет. Посчитали и убедились, что при

цене нефти 40 долл./барр. бюджет можно свести с приемлемым дефицитом. Тем более, что многие авторитетные мировые аналитические службы уже прогнозируют, что к концу года избыток нефти на мировом рынке «схлопнется» и цены достигнут 50 или даже 60 долл./барр.

Однако, как представляется, цены на нефть сейчас «застыли» вокруг 42–45 долл./барр. в основном в связи с биржевой игрой на фьючерсах (виртуальной нефти), которую ведут крупнейшие — прежде всего, американские, — банки и фонды. Дело в том, что многие из этих банков и фондов очень сильно вложились в кредитование американских «сланцевиков», а также в покупки их облигаций, которые сейчас перешли в разряд «мусорных». И эти финансовые структуры заинтересованы в том, чтобы вытащить своих заемщиков из-под угрозы банкротства и хотя бы частично вернуть деньги.

Однако для этого нужна цена на нефть хотя бы в 45 долл./барр., при которой многие сланце-

вые компании смогут захеджировать (застраховать) будущую добычу и заложить под неё свои запасы. То есть получить деньги для того, чтобы включить в работу уже подготовленные скважины на наиболее богатых нефтеносных участках и получать денежный поток для расплаты с кредиторами. И когда это произойдёт, — а такой процесс уже идёт и может занять 2–4 месяца, — же американские банки и фонды могут начать новую «медвежью» игру — на понижение цен на нефть.

Я предполагаю, что именно по этой причине окончился ничем саммит в Дохе по «замораживанию» уровня добычи нефти. Страны Персидского залива, которые так сильно потратились на подавление американских нефтяников-сланцевиков снижением цен, обоснованно опасаются, что дальнейшее повышение цен снова вернёт сланцевиков на рынок чуть ли не в полном составе. То есть обессмыслит почти два года борьбы со сланцевой нефтью и огромные из-

держки, которые страны Залива понесли в этой борьбе.

На этот случай именно у Саудовской Аравии и ряда её партнёров по Персидскому заливу есть не менее 1,5 млн барр./день резервных мощностей добычи, которые при необходимости могут быть задействованы очень быстро. А эти объёмы, появившись на нефтяном рынке, способны развернуть восходящий «бычий» ценовый тренд, превратив его в нисходящий «медвежий». Кроме того, накопленные в мире за последние два года гигантские коммерческие запасы уже добытой дешёвой нефти (по ряду оценок, они уже превысили 4 млрд барр.) — в случае наращивания «бычьего» тренда будут выходить на рынок и давить на цены ещё минимум год-полтора.

Представляется, что только после этого — в связи с нынешним двухлетним глубоким недолонгированением нефтяной отрасли во всем мире — возможен существенный дефицит физической нефти и серьёзный рост цен на неё.

Тем не менее, российская «либеральная общественность» настойчиво заговорила о том, что, якобы, реальность предъявляет нам новые аргументы в пользу смягчения отношений с Западом. Эта «общественность» всё громче заявляет, что нужно лишь ещё чуть-чуть потерпеть и, главное, не делать в международной политике «резких движений», раздражающих этот самый Запад, а никаких радикальных перемен экономической политики не требуется — всё идёт правильно и к лучшему. Вот, мол, и нефть дорожает, и доллар падает, и по делу ЮКОСа решение в нашу пользу, и НАТО — после двух лет отказа от любого диалога — само предложило возобновить переговоры в рамках Совета Россия—НАТО. Глядишь, скоро и санкции отменят, и заживём как прежде.

Однако для всех, кто не смотрит на этот самый Запад сквозь розовые очки, несомненно то, что и санкции не отменят, и как прежде — жить уже не будем. Присоединение Крыма — неотме-

няемый рубикон, который Россия перешла и который ей США и их европейские сателлиты никогда и ни на каких условиях не простят. А расстаться с Крымом в нынешней ситуации для российской государственности шаг совершенно самоубийственный и по внутриполитическим, и по внешнеполитическим причинам.

То есть системная война против России развязана всерьёз и надолго. В ней сейчас возможна некоторая передышка или, точнее, снижение интенсивности. Связанное, прежде всего, с очень высокой неопределённостью развития внутриполитической ситуации в США в перспективе осенних президентских выборов. В этих условиях существенной части американских элит «не до России».

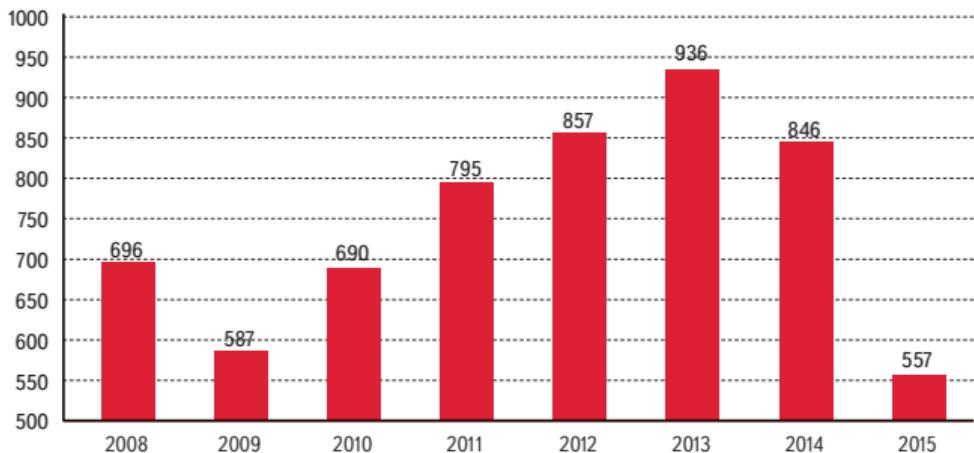
Но передышка закончится, а плохие новости в нашей экономике остаются. Таких новостей много, и здесь я хочу обсудить только самые, на мой взгляд, важные.

К ним и перехожу.

Располагаемые доходы населения и потребительский рынок

Средняя номинальная зарплата работников в нынешней России, пересчитанная в доллары по курсу, рухнула за год на 35% и в завершившемся 2015 г. оказалась ниже, чем на пике прошлого кризиса 2008–2009 годов (рис. 3).

Рис. 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в России, долл. (Источник: ЦМАКП)

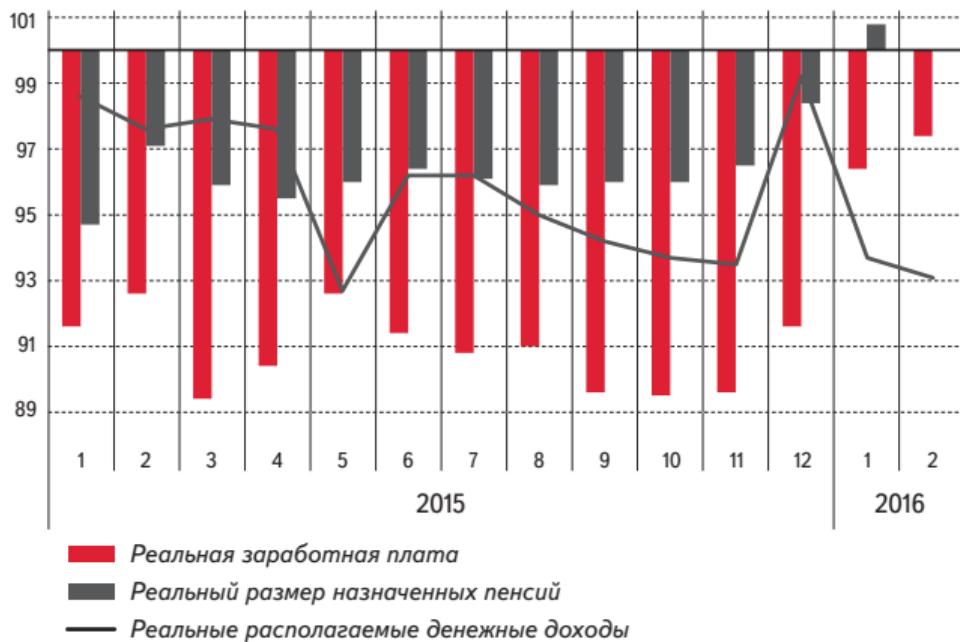

При этом продолжает расти безработица. Предприятия и организации в основном избега-

ют увольнений, стараясь — чаще всего на условиях частичной занятости — сохранить персонал. Тем не менее, в апреле, по последним данным Росстата, официальная безработица в России превысила 6%. Неофициальная, конечно, — существенно выше (с учётом скрытой безработицы, по разным оценкам, до 10–13%).

И хотя, по последним официальным статистическим данным, с начала нынешнего года реальная начисленная зарплата наёмных работников чуть подросла, это в основном связано с «разовыми» новогодними выплатами. А реальные располагаемые доходы населения за прошедший год, по данным того же Росстата, упали на 6,3% и в 2016 г. продолжают снижаться (рис. 4).

Рис. 4. Индексы реальных доходов населения в 2015–2016 гг., в% к соответствующему периоду предыдущего года. (Источник: Росстат)

Соответственно, падает покупательная способность широких масс населения. И это касается не только наёмных работников. Социальные выплаты, включая пенсии и стипендии, индексируются намного ниже, чем уровень инфляции, и в реальном выражении также упали достаточно резко.

Всё это вместе приводит к быстрому и неуклонному снижению уровня жизни граждан. В экономической аналитике в связи с этим появился термин «новая бедность». Причём регулярно отмечается, что в стране стремительно исчезает та недавно «благополучная» социальная прослойка, которую торжественно называли «средним классом» и, заодно, устойчивой экономической и социально-политической опорой государства и власти в «новой России».

Но с падением покупательной способности населения не может не снижаться и оборот торговли. Причём он падает быстрее всего в сегменте продовольственных товаров (рис. 5).

Рис. 5. Оборот розничной торговли пищевыми продуктами, напитками, табачными изделиями (% к среднемесячному значению 2012 г.). (Источник: ЦМАКП)

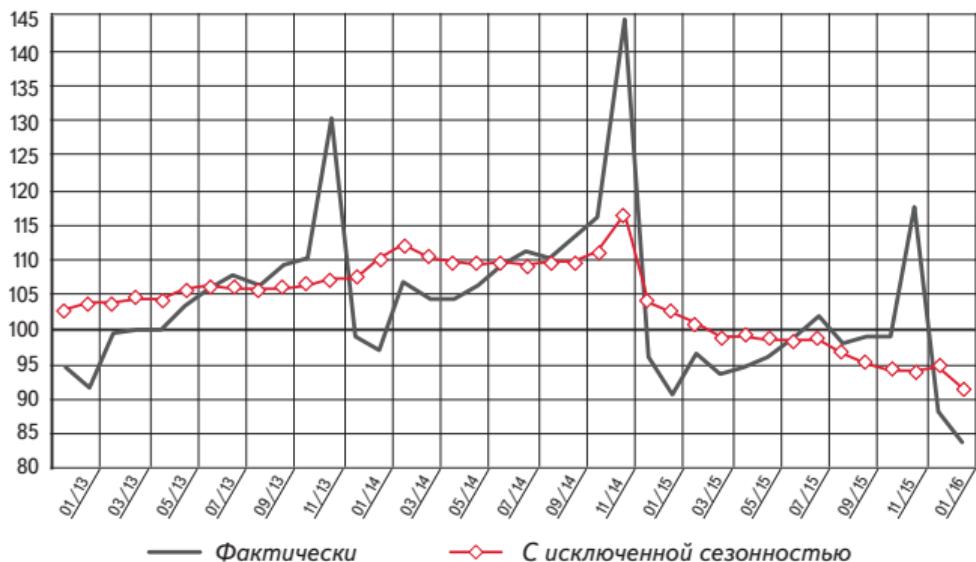
С начала прошлого года падение продовольственного товарооборота достигло 12%. То есть, если учесть инфляцию и удорожание продуктов, это означает, что большинство наших граждан начали очень сильно экономить на еде.

Но, судя по последним данным, наши граждане стали ещё больше экономить на потребительских товарах и услугах. Статистика отмечает, что траты российских домохозяйств на продукты

питания — впервые с кризиса 2008–2009 гг. — превысили половину семейных расходов.

Соответственно, и в сегменте промышленных товаров падение товарооборота очень резкое (рис. 6).

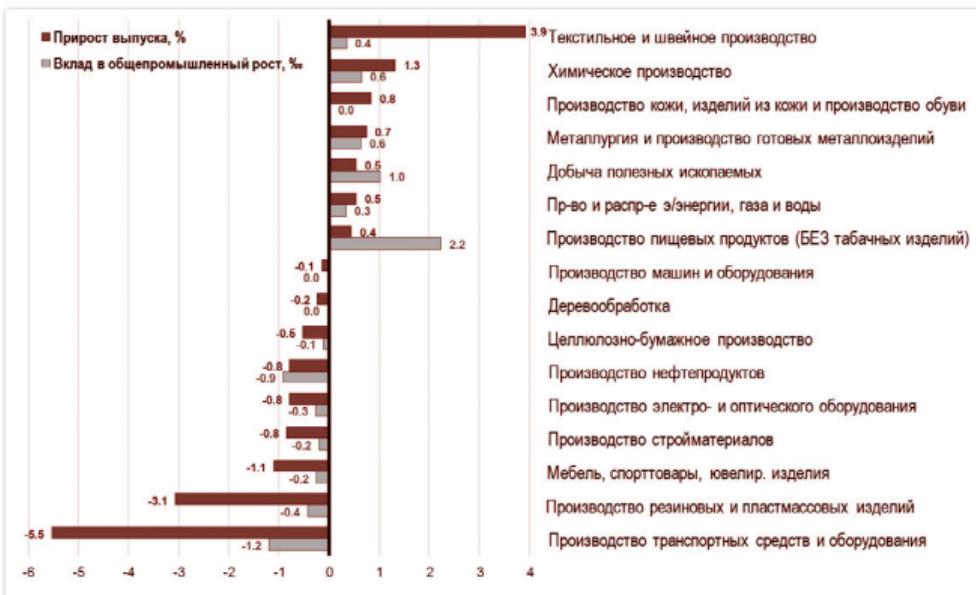
Рис. 6. Оборот розничной торговли непродовольственными товарами (% к среднемесячному значению 2012 г.). (Источник: ЦМАКП)

Но если товары и услуги всё меньше покупают, то их приходится меньше производить! То

есть это сжатие спроса диктует снижение производства по всей цепочке отраслей национального хозяйства, за исключением некоторых экспорт ориентированных, а также успешно импортозамещающих отраслей (рис. 7).

Рис. 7. Темпы прироста промышленного выпуска и вклад в общепромышленный рост в I квартале (март к декабрю, в среднем за месяц, сезонность устранена). (Источник: ЦМАКП)

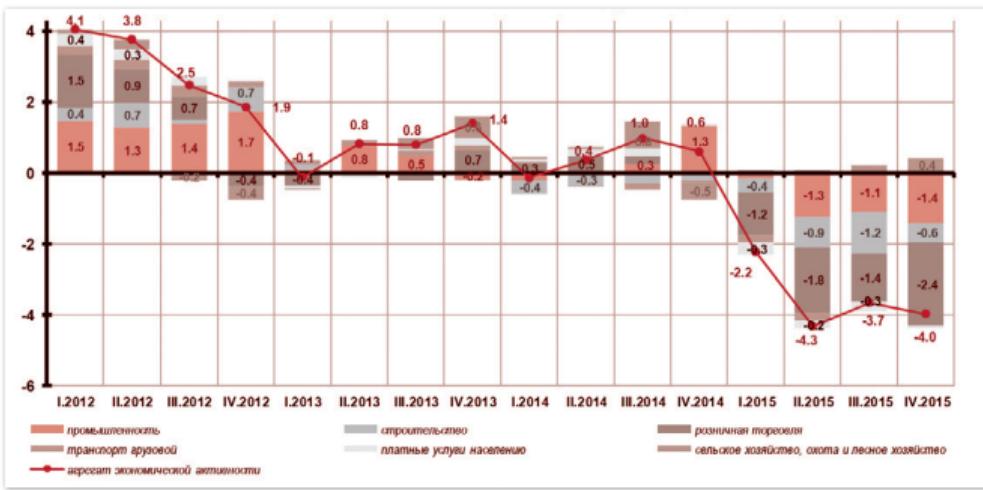
Как мы видим, основной вклад в промышленный рост в последние месяцы вносят импор-

тозамещающее производство пищевых продуктов и экспортная добыча полезных ископаемых. А почти все индустриальные и высокотехнологичные отрасли — в минусе.

Что происходит со структурой ВВП?

Если говорить о вкладах основных видов экономической деятельности в валовой внутренний продукт России, картина выглядит следующим образом (рис. 8).

Рис. 8. Вклады важнейших видов экономической деятельности в прирост агрегата экономической активности⁸, в % к аналогичному кварталу предыдущего года. (Источник: ЦМАКП)

⁸ — Агрегат экономической активности — показатель динамики выпуска товаров и услуг, рассчитанный по видам деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, промышленность, строительство, транспорт, торговля, платные услуги населению.

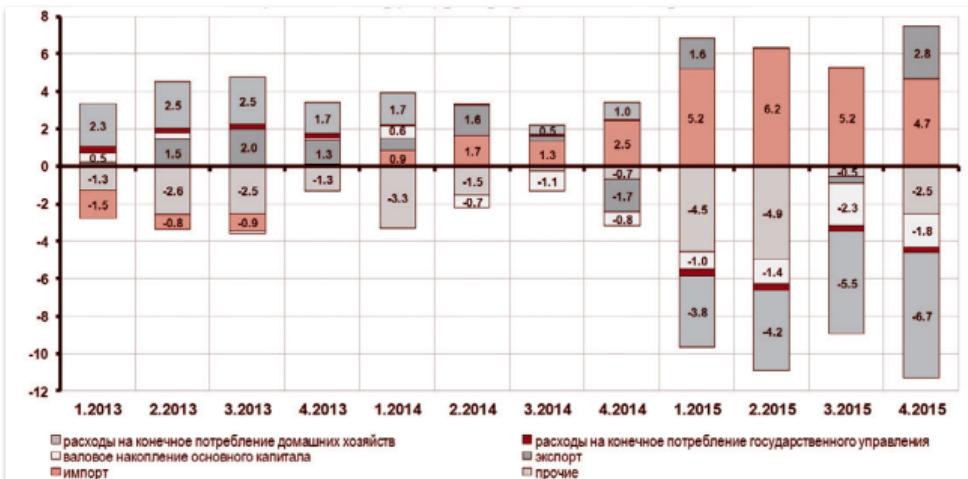
Как мы видим, весь прошедший год вклад основных, базовых видов деятельности в совокупную экономическую активность был отрицательным. Единственное исключение — незначительный подъём в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве. И, добавлю, в начале этого года ничего не изменилось.

При этом валовой внутренний продукт России в 2015 г. уже снизился на 3,7%, а в нынешнем году

зарегистрирована лишь тенденция снижения темпов его спада.

Вот как это выглядит в динамике нашего ВВП (рис. 9).

Рис. 9. Структура прироста ВВП % к аналогичному кварталу предыдущего года. (Источник: ЦМАКП)

Самое важное, что хочется отметить на этом слайде, — это то, что конечное потребление домохозяйств, которое и в российской экономике, и в большинстве других экономик, как правило, является одним из главных «драйверов» экономического роста, у нас уже второй год является

«драйвером» всё более глубокого спада. Кроме того, как мы видим, очень значимый вклад в рост вносит тот самый импорт, зависимость от которого мы стараемся избыть. При этом, подчеркну, импорт Россия снизила очень существенно, за год почти на 25%. Однако его роль в производстве ВВП, повторю, даже выросла.

Что эти тенденции значат и с чем они связаны?

Во-первых, как я уже показал, с явлением массовой «новой бедности» и сокращением потребительского спроса.

Во-вторых, с тем фактом, что в сфере импортозамещения у нас, за исключением сельского хозяйства и отчасти оборонно-промышленного комплекса, дела идут явно малоуспешно. Вместо импортозамещения в большинстве отраслей происходит «импортовытеснение», без замены импорта на рынке аналогичными отечественными товарами.

Импортозамещение малоуспешно прежде

всего потому, что наша промышленность оказалась катастрофически не готова ни к масштабному выпуску большинства потребительских и промышленных товаров, ни к (необходимому для достижения этой цели!) самостоятельному перевооружению основных производственных фондов современным оборудованием.

Вот какова динамика нашего машиностроительного импорта (рис. 10).

Рис. 10. Импорт машин и оборудования (оценки ЦМАКП, среднемесячный уровень 2007 г.=100)

Как мы видим, в 2014 году, на фоне санкций, этот импорт очень резко упал. А в 2015 году стабилизировался, с небольшими вариациями, на достаточно высоком уровне.

А вот как выглядит ситуация с выпуском отечественного машиностроительного оборудова-

ния (рис. 11).

Рис. 11. Производство машин и оборудования для внутреннего рынка (оценки ЦМАКП, среднемесячный уровень 2007 г.=100)

График показывает, что выпуск такого отечественного оборудования неуклонно падает, и падает давно. Причём с начала украинского кризиса и введения санкций против России спад уско-

рился, а с прошлой осени этот спад — вместо импортозамещения! — буквально стремительный.

Почему так происходит? Неужели в России настолько плохо с освоением современных технологий?

Представляется, что не это главное. Во многих современных технологиях у нас действительно налицо провалы, но есть и специалисты, и компетенции, и не только в оборонке. Однако этот потенциал не используется по нескольким причинам.

Одна из основных причин — острый дефицит инвестирования.

Главное — сокращение производственных инвестиций

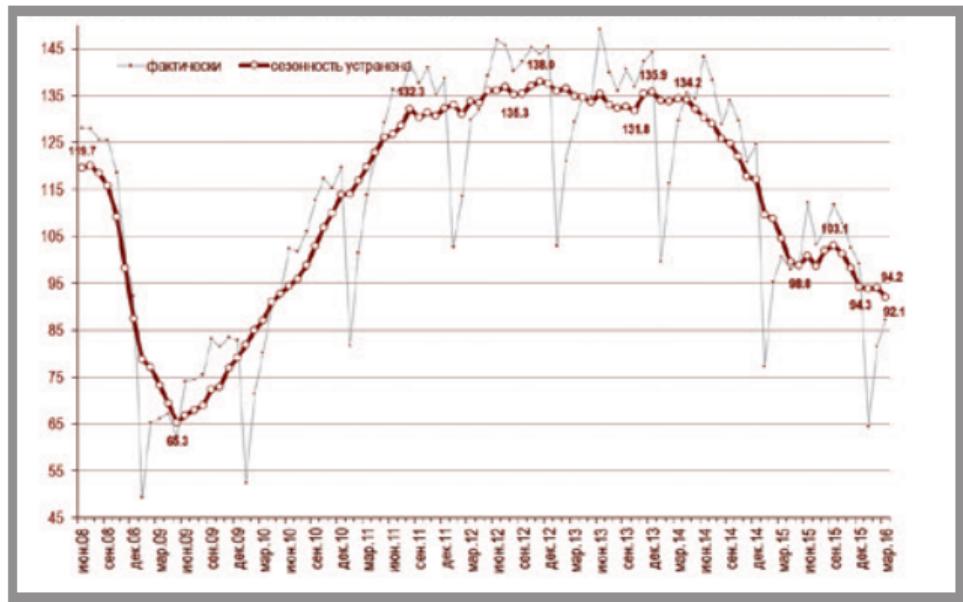
Инвестиции в основной капитал у нас падают с начала нынешнего «украинского» кризиса, после того, как большинству российских предприятий был фактически перекрыт санкциями до-

ступ к международным кредитным рынкам. На это наложились сокращение внутреннего кредитования из-за повышения ключевой ставки Центробанка (и, соответственно, ставок по банковским кредитам), а также сокращение бюджетных доходов и государственного инвестиционного потенциала. При этом, по данным Росстата, в 2014–2015 г. инвестиции сократились всего примерно на 7%, хотя и в нынешнем году продолжают падать.

Однако в том, что касается предложения российскому рынку инвестиционных товаров (то есть, прежде всего, машин и оборудования для обновления основного капитала), ситуация выглядит гораздо более мрачно (рис. 12). Как мы видим, с начала кризиса в 2014 г. предложение инвестиционных товаров российскому рынку упало не на 7%, а более чем на 40%! А тогда какое всерьёз импортозамещение, за счёт чего? И откуда тогда возьмётся форсированное инновационное развитие, к которому нас регулярно

призывает правительство?!

Рис. 12. Индекс инвестиционной активности ЦМАКП
(предложение инвестиционных товаров, среднемесячное
значение 2007 г. = 100)

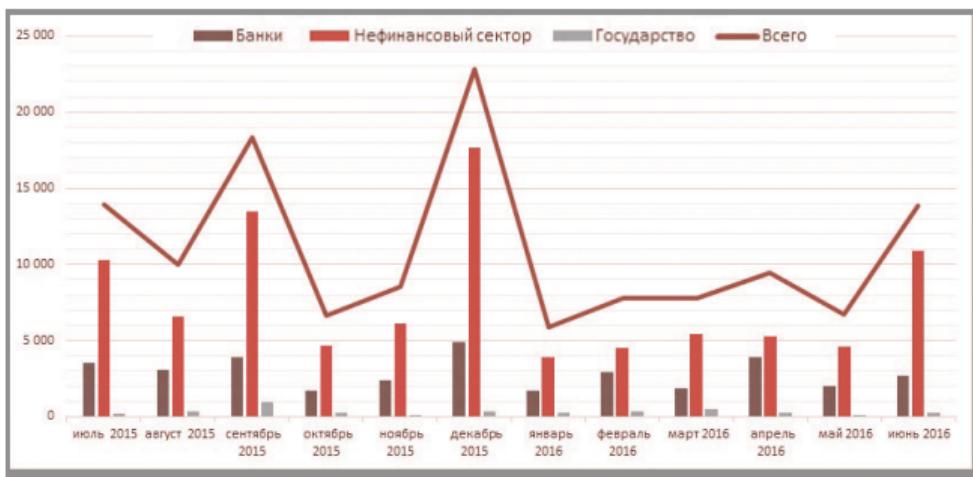
Картина, как мы видим, достаточно удручающая. Никаких существенных «антикризисных» улучшений ситуации не видно. Налицо тенденция углубления спада инвестиций. И, видимо,

не случайно Росстат с января прекратил (объясня это низкой достоверностью получаемых данных) публикации помесячной статистики инвестиций в основной капитал. Слишком уж тревожная вырисовывается тенденция...

Но почему предприятия в большинстве своём не инвестируют в обновление основных производственных фондов?

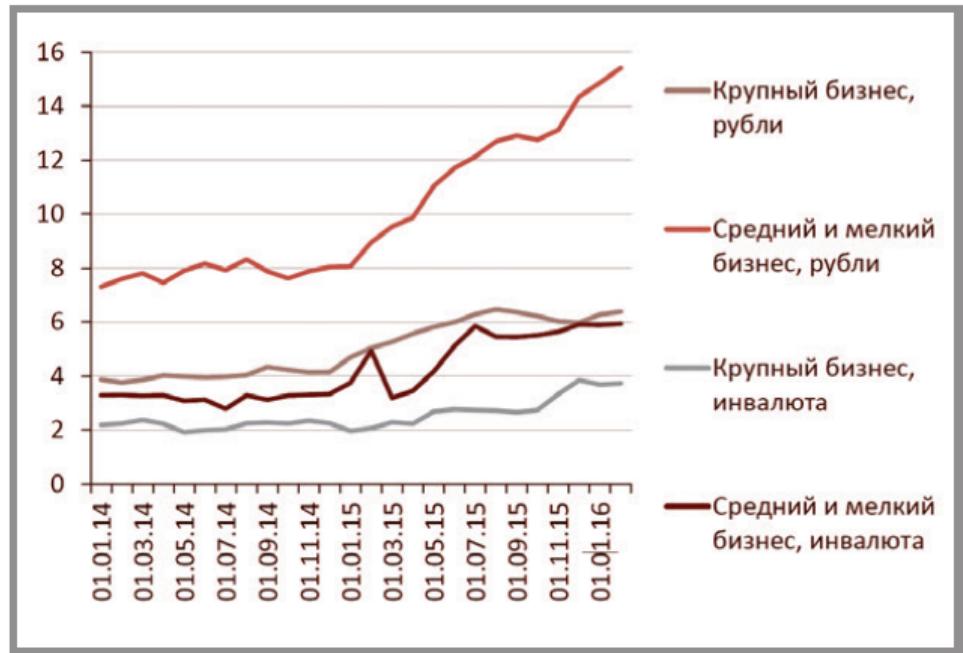
Первая — и весьма существенная — причина состоит в том, что многие предприятия глубоко закредитованы и почти весь свободный денежный поток направляют на расплату с долгами. Речь идёт в первую очередь о необходимых выплатах по валютным долгам зарубежным банкам, по которым привычную для России «просрочку» допускать нельзя из-за риска отъёма активов кредиторами. Хотя главный «пик» этих выплат пришёлся на декабрь 2015 года, значительные выплаты идут сейчас и предстоят далее (рис. 13).

Рис. 13. Выплаты по внешнему долгу России. (Источник: elitetrader.ru)

Но речь идёт не только о зарубежных кредитах, но и о кредитах российских банков, и не только крупным предприятиям, но и мелкому и среднему бизнесу. Их объёмы также очень велики. И, по понятным причинам, в условиях «кредитно-долгового пресса» руководство задолжавших предприятий думает в первую очередь не об инвестиционных возможностях, а о просроченных кредитах (рис. 14).

Рис. 14. Доля просроченной задолженности в кредитах корпоративным клиентам банков, %. (Источник: Банк России)

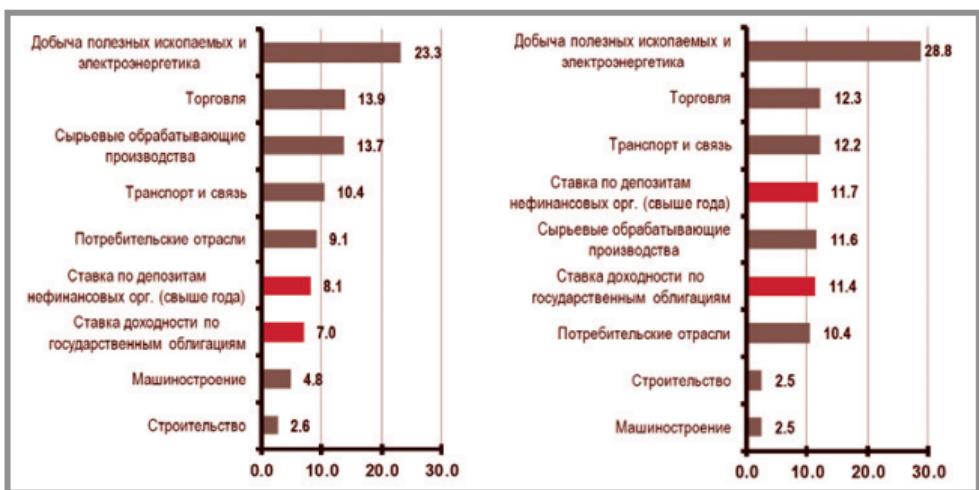

Как мы видим, кредитная «просрочка» с конца 2014 года быстро растёт, создавая вполне реальные риски массовых банкротств. А предприятиям, оказавшимся под угрозой банкротства, — не до модернизационных инвестиций.

Однако «долговой тормоз» — не единственная причина обрушения инвестиций в основ-

ные фонды. Есть немало предприятий, у которых финансовое положение вполне благополучное, но они также инвестировать в модернизацию производства не торопятся. Почему — в значительной мере объясняет следующий слайд (рис. 15).

Рис. 15. Рентабельность бизнеса (отношение сальдинированного финансового результата к оборотному капиталу) и доходность финансовых инструментов (%).
(Источник: ЦМАКП)

Как мы видим, уже в 2013 году рентабельность производства в машиностроении была почти вдвое ниже, чем рентабельность вложений

свободного капитала в депозиты в банках, а также в покупку гособлигаций. А в 2015 г. этот разрыв в рентабельности между производственной деятельностью в машиностроении и получением рентных доходов от безопасного вложения капитала в облигации и депозиты превысил четыре раза! То есть предприятиям оказалось гораздо выгоднее «сидеть в позиции рантье», чем активно вкладывать свободные деньги в производство.

А ещё выгоднее — играть этими деньгами в рискованные, но сверхприбыльные спекулятивные игры на фондовых и валютных рынках. Что многие предприятия — подчеркну, не только банки, но и предприятия! — и делают. Тем самым, конечно, существенно дестабилизируя финансовую систему собственной страны.

Как предприятия превращают в рантье

Но почему такие «странные» оказались возможны?

Для ответа на этот вопрос нужно напомнить некоторые детали нашей недавней экономической истории.

До осени 2014 г. российский ЦБ использовал политику так называемого «валютного коридора». То есть удерживал курс рубля относительно ведущих мировых валют в определённом фиксированном диапазоне. И если динамика валютного рынка выводила курс за границы коридора, ЦБ выходил на этот рынок со своими интервенциями, продавая или покупая доллары и евро и, тем самым, возвращая курс в назначенный коридор.

Однако осенью 2014 г., на фоне обрушения цен на нефть, валютный рынок начал всё быстрее и решительнее выводить доллар и евро за верхнюю границу коридора, вынуждая ЦБ наращивать интервенции. То есть ЦБ всё активнее тра-

тил на поддержание коридора валютные резервы. И тогда ЦБ объявил об отмене «валютного коридора», то есть отправил рубль в «свободное рыночное плавание». Хотя и оговорил, что в случае необходимости всё-таки будет проводить интервенции.

Но цены на нефть продолжали падение и российский валютный поток от сырьевого экспорта неуклонно «худел». И всем — и зарубежным, и отечественным — спекулятивным игрокам на валютном рынке было ясно, что единственная возможность для российской власти спасти госбюджет (который исчисляется в рублях) — это девальвация рубля. Только в этом случае каждый доллар выручки от российского нефтяного, газового, металлургического и прочего экспорта будет приносить в страну и бюджет больше рублей.

То есть спекулянты поняли, что рубль будет дешеветь, а доллар и евро — дорожать. И начали сверхприбыльные в такой ситуации игры на ва-

лютном рынке. Причём значительная часть этих игр, подчеркну, шла на деньги, которые спекулянты получали в виде сравнительно дешёвых краткосрочных займов у Банка России. А полученные в результате этой игры доллары и евро массированно выводились за рубеж. Хотя, спрашивается ради, нужно отметить, что часть валюты выводилась не для того, чтобы осесть на зарубежных счетах участников игры, а для расплаты банков и предприятий с неотложными валютными долгами. Которые, напомним, в результате введённых против России санкций реструктуризовать и обслуживать становилось трудно или почти невозможно.

В этой игре, которую ЦБ никак не ограничивал, валюта, естественно, дорожала, а рубль дешевел. А спекулятивный спрос на валюту, повторю, одновременно подогревали банки и предприятия, которые после введения санкций против России должны были поскорее отдавать зарубежные кредиты. А ещё наши граждане, по-

нимая, что в девальвации быстро тают их сбережения на банковских депозитах, начали панически атаковать банки, изымая свои рубли со счетов и покупая доллары и евро либо поскорее тратя свои сбережения на покупку (пока не подорожали) автомобилей, электроники, бытовых товаров и т. д.

В результате курс доллара к рублю летел вверх (с 40 руб./долл. в октябре 2014 г. до 70 руб./долл. в декабре), а банки быстро теряли свои депозитные портфели. ЦБ, понимая и социально-политические риски такой стремительной девальвации, и угрозы обрушения банковской системы, вынужден был всё-таки проводить масштабные валютные интервенции, тормозя девальвацию и останавливая панику. То есть быстро тратить валютные резервы.

В результате оказывалось, что наш ЦБ фактически поощрял спекулятивную игру — причём в значительной мере на деньги собственных валютных резервов — и политикой «плавающего

валютного курса», и политикой внутреннего рублёвого кредитования! И истратил на это более \$60 млрд своих резервов. А заодно «утечка капиталов» из России только в конце 2014 — начале 2015 г. превысила \$80 млрд...

Могло ли быть иначе?

Могло, если бы наши финансовые власти не исповедовали религию «свободных и открытых финансовых рынков». Они неизбежно должны были провести девальвацию рубля — при сырьевой экспортной зависимости нашей экономики спасти бюджет без такой меры было невозможно. Но заодно они могли бы (примеров в современной мировой экономике немало: Малайзия, Китай, Индия, Исландия, Нигерия и т. д.) ввести ограничения на движение капиталов. А тогда и девальвация была бы не такой масштабной, и валютные резервы были бы целее.

Отмечу, что ещё в декабре 2012 года вышел доклад Совета директоров МВФ, в котором говорилось: «Полная либерализация финансовых по-

токов не может считаться универсальной целью для всех стран во все времена... временные ограничения могут быть обоснованы и полезны во время экономических шоков...» Отмечу также, что осенью 2014 г. экономические аналитики в России идею ограничения движения капитала активно обсуждали.

Однако глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев пресёк подобные обсуждения предельно решительно, заявив в интервью телеканалу «Россия-24»: «Никто в правительстве и Банке России в здравом уме не будет обсуждать вопрос об ограничении движения капитала». И вместо такой меры ЦБ поднял ключевую ставку с 8% в ноябре 2014 г. до 17% в декабре, то есть сделал свои кредиты очень дорогими. Тем самым ЦБ отбил охоту играть в спекулятивную валютную игру на свои кредиты практически у всех спекулянтов, сумел сократить отток капитала. А с февраля 2015 г. ЦБ начал ставку постепенно снижать и к осени 2015 г. снизил до нынешних 11%.

Однако для большинства нынешних российских предприятий такая ставка — фактически запретительная. Поскольку она (см. рис. 15) для этих предприятий гораздо выше рентабельности производства, и брать столь дорогие кредиты они не могут. Но для того, чтобы получать доход от размещения денег на депозитах банков, такая ставка очень даже хороша.

Ведь что получается! Мировой и внутренний спрос на продукцию отечественных предприятий из-за кризиса резко съёжился, сама эта продукция в основном недостаточно конкурентоспособна по качеству и цене, рентабельность производства падает, перспективы рыночной конъюнктуры неясны и непредсказуемы... Но при этом существует финансовая «рентная» ниша, в которой вроде можно не только «отсидеться», но и прибыльно разместить деньги, компенсируя провал в производственной рентабельности. Руководители предприятий это и делают!

Можно, конечно, обвинять руководство этих

предприятий в «антипатриотизме». Но это руководство, за редчайшими исключениями, мыслит другими категориями. Оно думает о том, что нужно вернуть кредиты и не обанкротиться. Оно думает о том, как избежать увольнений работников — и потому, что власть этого требует, и потому, что уволенные могут однажды, скажем так, «подстеречь в подъезде».

И, наконец, руководство наших предприятий в основном уже вполне прониклось духом «свободного рынка», на котором всё, что не запрещено, то разрешено, и на котором единственный показатель успешности — прибыль. А раз сама власть создала такие условия, когда банковские ставки по депозитам и доходы от гособлигаций выгоднее, чем производство на предприятиях, то этим нужно максимально воспользоваться. Предприятия и пользуются...

Нужна экономическая стратегия

Но есть и ещё одно важное обстоятельство, уводящее предприятия с того магистрального пути «технологической модернизации», «инновационного развития» и «импортозамещения», который регулярно провозглашается в программах и заявлениях нашей экономической власти.

Это обстоятельство — невнятность и неопределённость той экономической политики, которую намерена реализовать власть. И, соответственно, недоверие к этой политике и её вероятным результатам со стороны предпринимателей-собственников и менеджмента госпредприятий.

Ведь инвестиции в основные фонды — это долгосрочные капиталовложения, которые приносят (или не приносят) отдачу через годы. И если действиям власти не доверяют, то нет возможности прогнозировать и планировать ни такие инвестиции, ни их возврат. То есть нельзя оценить один из главных для предпринимателя по-

казателей — долгосрочные риски капиталовложений. А это — один из ключевых ограничителей долгосрочного инвестирования, с которым любая экономика сталкивается в условиях кризисов.

Напомню, что именно по этим причинам антикризисный процесс практически всегда и везде запускает государство.

Как государство его запускает?

Во-первых, признавая факт кризиса и детально описывая его ключевые параметры. Во-вторых, разрабатывая и предъявляя обществу и бизнесу содержательную и именно системную антикризисную стратегию и её приоритеты. В-третьих, становясь «пионером и лидером» реализации этой стратегии, в том числе, за счёт мощного государственного инвестирования в реализацию стратегических антикризисных приоритетов.

И только на фоне этих — стратегических! — антикризисных усилий государства бизнес, пони-

мая стратегию и её приоритеты, и в них поверив, и оценив свои риски как приемлемые, включается в реализацию стратегии и своими деньгами, и своими усилиями.

А что у нас?

Напомню, что в этом году правительство, сославшись на непредсказуемую волатильность (ценовую пляску) на мировых рынках, отказалось от составления бюджетных планов на три года (хотя, отмечу, недавно заявило, что с будущего года всё-таки намерено трёхлетнее планирование возобновить). Кроме того, характерный штрих сегодняшней российской ситуации — недавняя ликвидация в Минэкономразвития департамента стратегического развития. Того самого департамента, который, вроде бы, именно у этого министерства должен быть и самым мощным, и самым главным.

Такая «оптимизация» — знаковая деталь, показывающая, что правительство наше, как и прежде, возлагает свои надежды на развитие стра-

ны в основном на ту же самую «невидимую руку рынка». В связи с этим не менее знаковая деталь — усердие власти в ускоренной приватизации и коммерциализации — якобы «как у них, на развитом Западе», — сфер ЖКХ, медицины, науки, культуры и так далее.

А в чём наше правительство видит свой собственный «вклад в развитие»?

В «пожарных» монетаристских мерах вроде регулирования ключевой ставки (благодаря взлёту которой, ещё раз напомню, не только банки, но и предприятия уходят из производства в рантье и спекуляции).

В спешной приватизации, — причём на фоне кризисного обрушения биржевой стоимости, то есть за бесценок, — крупных пакетов акций стратегических государственных активов вроде «Роснефти», «Башнефти», «АЛРОСА», «Совкомфлота», «Аэрофлота» и даже «Вертолётов России».

А также — в «точечных» финансовых влива-

ниях для спасения от краха отдельных сегментов отдельных отраслей.

Вот, например, какова недавняя «роспись» правительственного плана стимулирования отечественной экономики (рис. 16).

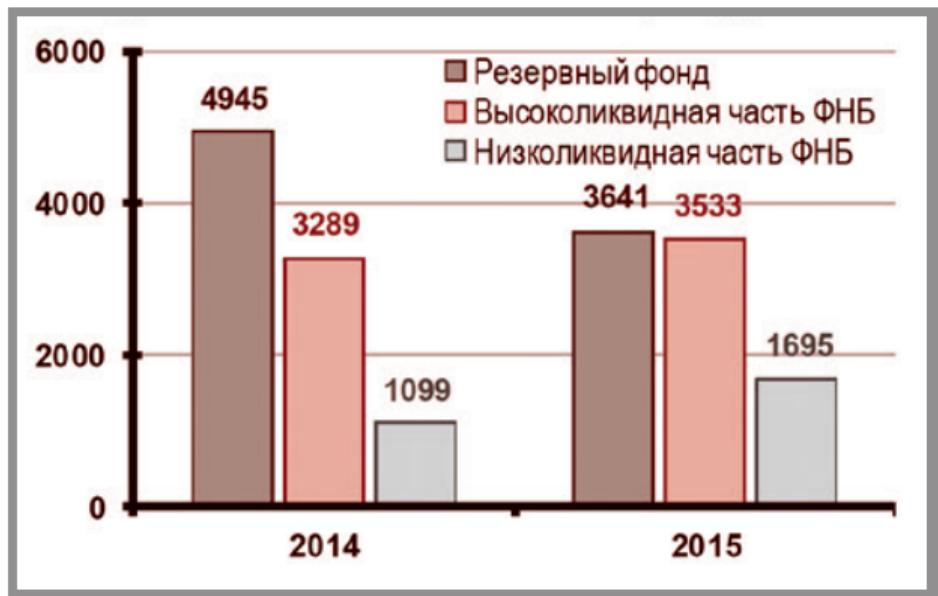
Рис. 16. Основные пункты Плана по стимулированию экономики РФ.
(Источник: Правительство России)

Направление	Объем средств, млрд руб.
Докапитализация Фонда развития промышленности	20
Государственные гарантии для МСП	18
Субсидирование ипотеки (первичный рынок)	16,5
Стимулирование создания МСП	11,5
Бюджетные кредиты субъектам	310
Поддержка автопрома	137,7
Приобретение тягового состава (РЖД)	39,8
Адресная медицинская поддержка	29,8
Поддержка образовательной системы	25

Очевидно, что никакой антикризисной стратегией здесь даже не пахнет. А вместо такой стратегии Минэкономразвития и Минфин соревнуются в подсчётах того, с какой скоростью убывают

и когда иссякнут наши нефтяные резервные фонды, если спад экономики продолжится, перелома к выходу из кризиса не случится, и придётся усиленно финансировать из резервов бюджетный дефицит. Между тем, как мы видим (рис. 17), в прошедшем году наш резервный фонд весьма существенно «похудел» — даже в очень сильно обесценившихся рублях.

Рис. 17. Объем нефтегазовых фондов России в рублевом эквиваленте, млрд руб.
(Источник: Банк России)

А фонд национального благосостояния (ФНБ) и «похудел», и заметно ухудшил своё инвестиционное качество за счёт пополнения активами с низкой ликвидностью (то есть ценными бумагами, которые нельзя быстро, по их номинальной цене, обратить в деньги и направить в экономи-

ку).

Таким образом, пока что российские экономические ведомства и Центробанк реагируют на кризис в основном действиями «монетаристским» рычагом ключевой ставки, сжатием реальных доходов граждан и рыночного спроса, а также финансовыми мерами «затыкания» наиболее зияющих экономических «дыр». То есть методами, которые стали привычными для нашей власти за постсоветские «рыночные» годы и от которых, подчеркну, в условиях последних кризисов уже всё более настойчиво «открещиваются» бывшие западные проводники и проповедники подобной экономической политики.

А кризисные тенденции, как мы видим, вовсе не «рассасываются» и нарастают. И, значит, такой способ «антикризисного реагирования», за который цепляется нынешний экономический блок правительства, уже очевидно тупиковый. Он ведёт в пропасть. Из которой никакие — подчеркну, несомненные, — сегодняшние и будущие

успехи нашей обороны, в которой налицо мощный инновационно-технологический рост, вытащить страну не смогут. Не смогут хотя бы потому, что новые технологии из обороны, способные дать толчок инновационному импортозамещению, наши кризисные гражданские предприятия в условиях рисковой неопределенности осваивать не хотят и не в силах. Не смогут и потому, что международная военно-политическая ситуация настоятельно диктует необходимость российскую оборонку (и армию) не «доить», а активно финансировать. А для этого нужны сильный инновационный промышленный рост и быстрый рост ВВП.

Надо менять экономическую политику, причем как можно скорее, и не косметически, а фундаментально. Пауза сегодняшнего — очень незначительного — смягчения международной обстановки явно будет недолгой, после чего давление на Россию «по всем фронтам и векторам», скорее всего, возобновится с новой силой.

Без кардинальной смены экономической политики — причём, как я считаю, уже практически неизбежно в «мобилизационном» ключе, — нам это давление долго не выдержать.

Конечно же, для стратегического экономического поворота нужны новые экономические управляющие кадры, готовые планировать, программировать и реализовать такой поворот. Они в стране наверняка есть. Однако сколько их у нас есть, кому и как их удастся собрать и сорганизовать, и удастся ли это сделать вообще, — пока, увы, неясно.

Но без такого стратегического поворота, повторю, выстоять в формирующемся сейчас новом (и очень тревожном!) мире — у России шансов почти нет.

Юрий Бялый

Размышления читателей о статьях газеты

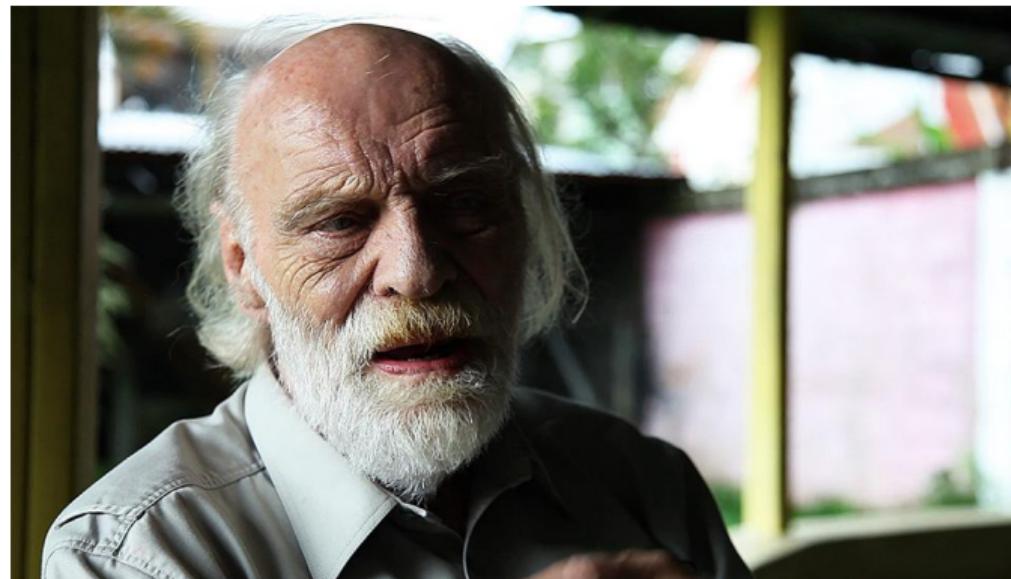
Догматический марксизм как превращённая форма

Отклик на статью «О коммунизме и марксизме — 30», опубликованную в №162 от 27 января 2016 г., рубрика Колонка главного редактора

Отклик на статью «О коммунизме и марксизме — 29», опубликованную в №161 от 20 января 2016 г., рубрика Колонка главного редактора

Отклик на статью «О коммунизме и марксизме — 28», опубликованную в №160

от 30 декабря 2015 г., рубрика Колонка главного редактора

Франц Хinkelammert

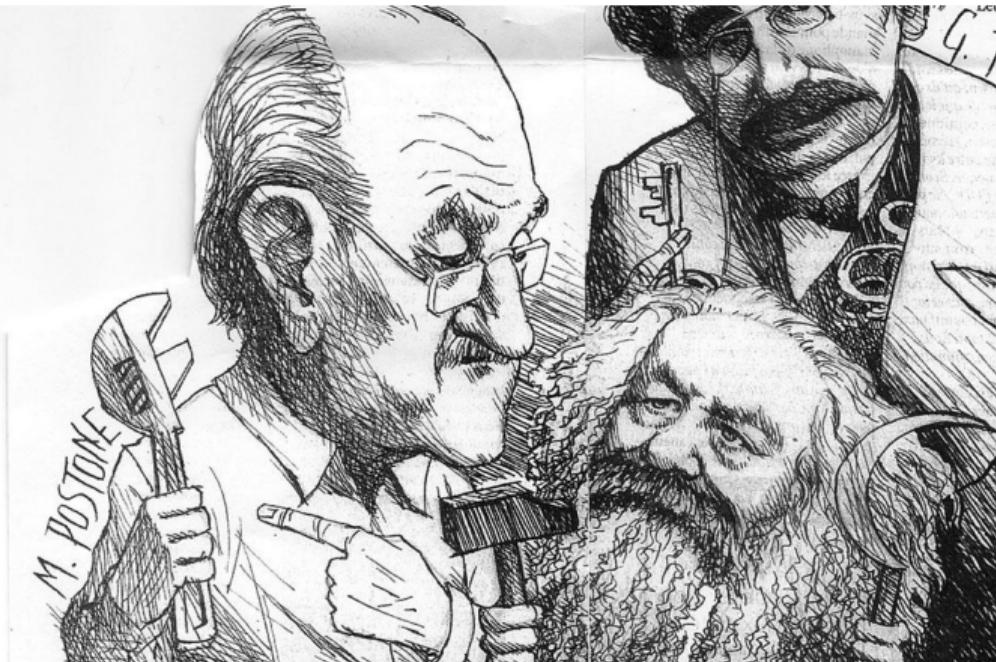

Рисунок Мойше Постона к вопросу о догматизме

Темы, раскрываемые в статьях «О коммунизме и марксизме» и «Судьба гуманизма в XXI столетии», на мой взгляд, очень важны. Я всегда с нетерпением жду каждого нового номера с продолжением. На мой взгляд, циклы очень связаны между собой, так как один обсуждает метафизику коммунизма, так необходимую человечеству сегодня, а второй — метафизику фа-

шизма. Это крайне интересно. Бессспорно, есть и третье начало — это отсутствие метафизики. К сожалению, оно сейчас наиболее распространено и им заражена огромная часть человечества, особенно на Западе.

Та сътость и успокоенность, о которой говорит Сергей Кургинян в статьях «О коммунизме и марксизме», и есть главная проблема остывания человечества. И нам опять до зарезу нужна новая «инкарнация» прометеевского мифа, чтобы он вновь согрел человечество своим огнем, дабы не допустить «тепловой смерти Человечества». Которое в этом случае с неизбежностью не сможет предотвратить и «тепловой смерти Вселенной» (если рассматривать это по «Космогонии Духа» Э. Ильенкова).

Казалось бы, тема прометеизма абсолютно марксистская и коммунистическая. Кому же ещё объявляться наследниками ретивого бога, который восстал против жестоких богов Олимпа и подарил людям способность творчества и произ-

водства, которую воспевал молодой Маркс! Но тут со стороны многих коммунистов зачастую на-тыкаешься на непреодолимый барьер, от которого веет смертным холодом какого-то бездушного рационализма, — наверное, неправильно поня-того материализма — и об него разбивается всё, что касается духа. Хотели убрать всё религиозное и божественное, а вместе с этим убрали и важ-ную часть человеческого. Метили в Бога, а попа-ли в человечество.

Проблема большинства ортодоксальных марксистов в том, что они понимают марксизм и коммунизм главным образом с экономиче-ской, очень примитивной стороны (так называ-емый экономизм). Маркс хотел это преодолеть и поэтому занимался экономикой. Проблема в том, что если цель — только в преодолении экономических причин неравенства и угнетения, и если она однажды будет достигнута, то весь проект, получается, имеет определённую ко-нечную точку, после которой непонятно: зачем

жить, зачем дальше бороться?

А ведь по той же диалектической теории коммунизма борьба продолжается внутри самого человека ещё долгое время после наступления бесклассового общества — незрелой фазы коммунизма. Это борьба со своим собственным несовершенством, с живущим во всех желаниях ухватить себе больший кусок, господствовать над другими. Но что же должно быть тогда высшей целью, позволяющей человеку постоянно подавлять в себе низменное? Для этого нужен некий образец мобилизации или подвижничества, который и должен служить идеалом, той высшей миссией, с которой постоянно себя сравнивать. Того сакрального, о чем говорит С. Е. Кургинян. Этим может служить, например, то высшее «общее дело», о котором в своих трудах писали Н. Фёдоров и другие русские космисты. И не об этой ли борьбе добра и зла внутри самого человека говорит христианство?

Я заинтересовалась вопросом и решила поис-

кать в испаноязычных академических кругах, интересна ли там прометеевская тема. И надо же — это оказалось чрезвычайно живой проблематикой! По ней написано много работ, идут накалённые дискуссии. Прометеевская традиция в марксизме, как выяснилось, довольно подробно разбирается сторонниками теологии освобождения.

Вот что, например, пишет Франц Хинкеламмерт, немецкий экономист и теолог, проживающий в настоящее время в Сан-Хосе (Коста-Рика). В своей работе «Размышления о мифе, основавшем модерн», посвящённой целиком традиции Прометея в марксизме, Хинкеламмерт пишет:

«Миф о Прометео, выйдя из классической Греции, с конца Средневековья, прежде всего с начала Возрождения, трансформировался в один из главных мифов модерна. Его роль так велика, что можно сказать, что он заложил мифологическое пространство всех утопий модерна, начиная с утопии Томаса Мора. Но он превзошёл эти утопии, одновременно яв-

ляясь их корнем. Более того, он встречается у крупных мыслителей — критиков буржуазного модерна и поэтому содержит в себе ключ для понимания утопического мышления Маркса. (То есть это вся линия традиции французского утопизма и революционной деятельности, на которую указывает в своём труде Ленин — В. Р.) *Этот миф модерна о Прометее тесно связан с критикой христианства, появившейся в эпоху Возрождения, и в то же время служит мифологическим подтекстом для появления новых взглядов в этике».*

Далее Хинкеламмерт описывает проведённый им эксперимент, в котором он взял фразу из первого текста диссертации Маркса (1841 года) и заменил в ней «самосознание» на «человеческое достоинство». Получился следующий текст: «Приговор всем богам неба и земли, которые не признают человеческое достоинство как верховное божество. Рядом с ним не будет другого бога». Не говоря, кто автор фразы,

Хинкеламмерт раздал этот текст группам, очень близким к теологии освобождения, и спросил у них о значении этой фразы. Все они сказали, что этот текст принадлежит теологии освобождения. «Я ожидал этого ответа», — пишет Хинкеламмерт. И конечно же, опрошенные очень удивились, узнав, кто автор высказывания.

Автор объясняет, что причину такой реакции нетрудно понять. «Различие между богами заложено в самом основании теологии освобождения. Она никогда не ставила проблемой альтернативу атеизму — теизму, но всегда ставила вопрос со стороны веры — идолопоклонничество. Теология освобождения всегда связывала идолопоклонничество с земными богами. Поэтому в этом движении существует столько книг и статей с такими названиями, как «Идолопоклонство рынку». Земные боги считаются в теологии освобождения ложными богами. Маркс находится в той же традиции, его корни были как еврейскими, так и христианскими,

но он не имел греческих корней. Таким образом, бог Мамона — это земной бог, но является идолом для христианской традиции».

Дальше автор тянет линию прометеевской традиции в христианство через образ и слова Христа, через такие фигуры, как Ириней Лионский (II век н. э.), к современнику, архиепископу Ромеро, погибшему от рук сальвадорских военных.

«Архиепископ Ромеро очень часто использовал фразу Святого Иринея Лионского: «*Gloria Dei, vivens homo; vita autem hominis visio Dei.* (Слава Божья — это жизнь Человека; жизнь Человека, однако, — это видение Бога). Ромеро также переводил эту фразу так: «*Gloria Dei, vivens pauper* (Слава Божья в том, чтобы бедный жил)».

«Считаю, что отсылка к Ромеро и Иринею Лионскому нам открывает что-то, что мы должны выделить, если хотим понять историю Прометея с эпохи Возрождения. Она отсы

ляет нас к глубочайшей трансформации всей античной культуры, произошедшей в I веке нашей эры, которая даёт импульс всей дальнейшей культуре. Хотя мы сейчас считаем, что это просто религия, в реальности это было нечто, что разделило всю историю и без чего мы не можем понять все последующие эпохи. В религиозных терминах с христианством устанавливается вера в то, что Бог сделался человеком, а человек сделался Богом. <...> Это как коперниканская революция намного раньше Коперника: мир богов спускается на землю и люди воплощают жизнь богов. Бог становится другой стороной человечества. Жизнь богов будет трансформирована в человеческую жизнь, не будет ни господства, ни законов, но правосудие будет править».

Чтобы показать суть превращённой формы, в которую трансформировалась Церковь, Хинкеламмерт приводит интерпретацию, которую даёт фразе Ромеро Папа Иоанн Павел II в отноше-

нии Иринея Лионского и его концепции *Gloria Dei vivens homo*: «Значит, можно сказать воистину, что «Слава Божья — это живущий человек, но жизнь человека — это виденье Бога». Человек, живущий святой жизнью, — это Слава Божья, и Святой Дух — это тайный распределитель этой жизни и этой славы».

«Для Иринея жизнь человека — это Божья слава, и она распространяется универсально, но Папа Иоанн Павел II этого не принимает. Для него человек — это Божья слава, только если он живёт святой жизнью, и Папа или любой церковный авторитет решает, что такая святая жизнь. Если человек такой жизнью, как указано, не живёт, то его жизнь для Бога не слава. Эта интерпретация является осуждением архиепископу Ромеро. По мнению Папы, Ромеро имеет ложную веру и является еретиком, и даже бунтарём перед Богом. И это в то же время и суждение о теологии освобождения», — пишет Хинкеламмерт.

Тот вариант догматического ультраматериалистического марксизма, с которым иногда приходится встречаться и до сих пор, наверное, и есть та превращённая форма, о которой говорит Сергей Ервандович в своей статье «О коммунизме и марксизме — 28», приводя в пример реальную инквизицию и образ Великого Инквизитора у Достоевского и Шиллера. Сравнивая с реальной инквизицией «инквизицию» марксистского догматизма и говоря, что там и там догматики следуют общей логике превращённых форм.

Авторы почти всех работ о мифах о Прометеев утверждают, что он породил некую большую традицию, и каждая эпоха, трансформируя образ, создаёт свой собственный, новый миф о Прометее. Через характер этих мифов можно изучать саму историческую эпоху, говорит Хинкеламмерт, выдвигая это как основу своего материалистического метода.

Вопрос стоит ребром

Отклик на статью «О коммунизме и марксизме — 38», опубликованную в №170 от 23 марта 2016 г., рубрика Колонка главного редактора

Первомайская демонстрация в Лондоне. 1928 г.

Предложенный в данной статье С. Е. Кургина потрясающий сюжет с «воскресшим Лафаргом» сразу проблематизирует несколько аспектов современного левого движения. Да и вообще к этому сюжету трудно оставаться равнодушным.

Какой бы фантастической и гипотетической завязка ни была, развязка, возникающая в сюжете, является достаточно правдоподобной.

Склонен предположить, что в любой ячейке «Сути времени» были люди, впоследствии отколовшиеся, которые на определённом этапе уж очень сильно заинтересовались классическим марксизмом-ленинизмом: в основном, слушали лекции достаточно известных в определённых кругах преподавателей и «корифеев», читали статьи разнообразной степени сложности, кто-то даже самостоятельно и вдумчиво изучал первоисточники. Потом возникали конфликты, сопровождавшиеся выяснениями, кто является более правильным марксистом/коммунистом, обвинениями в ревизионизме и ещё чёрт

знает чем.

С одной стороны, понятно, откуда у людей возникает страсть к учению марксизма-ленинизма, — это учение являлось ядром идеологии Советского Союза, чьё величие никто из левого движения отрицать не может. Поэтому данная страсть — это, скорее, желание припасть к истокам, прикоснуться к чему-то такому, что использовалось идеологическими предшественниками когда-то как грозное и передовое идеологическое оружие. А с другой стороны, проявляется нежелание осмысливать актуальную реальность, которая со времён Маркса и Ленина изменилась довольно радикально; хочется окунуться в некую уже готовую парадигму, где всё как дважды два — четыре. А вопрос-то, в каком-то смысле, стоит ребром: как быть, если принять во внимание, что идеологическую войну (и не только идеологическую) СССР проиграл, что и послужило одним из факторов его распада.

Что в таком случае делать человеку с комму-

нистическими взглядами, который искренне любит Советский Союз, восхищается его достижениями? Отказываться от марксизма? Но ведь это — одно из, как я считаю, неизымаемых слагаемых. Или же истерично кидаться от одной коммунистической теории к другой? Подобное я наблюдал в различных англоязычных международных интернет-сообществах, где люди чуть ли не еженедельно сменяли марксизм-ленинизм на маоизм, маоизм на троцкизм, троцкизм на титоизм и так далее. Но это уже не поведение здорового человека, жаждущего идеологического реванша, триумфа коммунистической идеи и царства справедливости. Это уже, скорее, поведение капризной барышни, которая выбирает себе наряд в зависимости от настроения. Единственный вариант, который остаётся, — это искать недостатки в советской идеологии, а отыскав, — размышлять о том, как же эти недостатки исправить. Конечно же, сопоставляя полученные ответы с реальностью, иначе всё это может превратиться в бес-

конечное теоретизирование, заводящее в тупик.

Следующий аспект — слепая уверенность в подающихся современными преподавателями марксизма доктринах. Даже незначительное отклонение от них вызывает бурю негодования. Что весьма странно, ибо учение, претендующее на универсальность в развивающемся мире, не может находиться в замороженном состоянии. Да и в целом, как же широта кругозора и осведомлённость о других точках зрения? Ведь невозможно познавать мир идей, не наблюдая за тем, что в этом мире происходит. А значит, невозможно за свою идею адекватно воевать и, тем более — побеждать в этой битве. Да и отстоять в такой ситуации свою идею — уже проблематично. Потому как сейчас для каждого капризного взрослого ребёнка достаточно различных, сляпанных на коленке псевдоидеологий на любой вкус и цвет, при этом не требующих владения сколько-нибудь сложным аппаратом.

Далее же недоверие к иному взгляду на марк-

сизм начинает порождать различные конспирологические инсинуации, рассуждения о чьих-то зловещих «проектах», созданных исключительно для очернения и дискредитации как марксизма, так и всего левого движения в целом.

Отдельным вопросом во всем этом, конечно же, стоит вопрос об атеизме. Атеистическая позиция настолько укоренилась в сознании современных марксистов, что никакие примеры «теологии освобождения» и апелляции к иным попыткам идеологического синтеза не дают эффекта (ну, кроме отрицательного, само собой). Учитывая, что современный атеизм уже практически ничего не имеет общего с классическим атеизмом XIX столетия, а всё больше напоминает некую секту фанатиков, почитающих книгу Доккинза «Бог как иллюзия» как Священное Писание и преисполненных исступлённой ненавистью к чему-либо религиозному, то перспективы вырисовываются совсем не радужные.

В итоге люди начинают валить всё с боль-

ной головы на здоровую, с умным видом рас-суждать о диктатуре пролетариата, хотя сейчас не очевидно (по крайней мере, мне), что пролетариат как класс вообще существует. Начинаются рассуждения о том, как поднимается рабочее движение в странах Запада, хотя, судя по уличной деятельности, это не больше, чем специфическая тусовка, ничего общего не имеющая с рабочим движением начала XX века. Тут достаточно вспомнить Occupy Wallstreet или немецкие акции вроде Blockupy — никаким пролетариатом там не пахло, а пахло тусовкой ради тусовки с весьма призрачными целями.

Понятно, что описанное мной в каком-то смысле есть «раскрытие образа» типичного «плазменного» марксиста, о котором уже и так сказано немало. Но! Но наличие этого самого «плазменного» марксизма не только маркирует желание увести жаждущую марксизма молодёжь (и не только молодёжь), но и показывает **запрос** на марксизм среди этих людей. И,

конечно же, их желание прикоснуться к истокам.

И что же делать в таком случае?

С. Е. Кургинян в своём цикле статей «О коммунизме и марксизме» как раз даёт ответ на этот вопрос, ведя за собой читателей в увлекательное путешествие к истокам коммунистической идеи, при этом сопровождая это странствие пояснениями, например, о позднесоветском стиле преподавания марксизма. Я сам периодически сталкиваюсь с искренним удивлением моих родителей, говорящих мне: «Вот нам это (т. е. марксизм) в институте насилием вдалбливали в головы, и это была скука смертная. А ты самостоятельно и не без удовольствия это всё читаешь и пытаешься разбираться. Ничего не понимаешь». Из всего цикла можно почерпнуть столько интересных сведений, которые современными марксистами не то что не рассматриваются, а обходятся стороной по очень большой дуге. И возможность отыскать истоки коммунистической идеи и марксистской теории как частности,

эту идею не только не дискредитируют, а наоборот — усиливают во много раз. Ведь куда более величественно и масштабно предстаёт идея, когда её присутствие ощущается через практически всю историю человечества, а не только начиная со второй половины XIX века. В этом, я полагаю, и есть то искомое спасение и реабилитация идеи, оттеснённой (кем-то вполне умышленно и хладнокровно) на задворки. В этом и есть возможность найти выход, который приведёт к победе.

Андрей Лавренчук